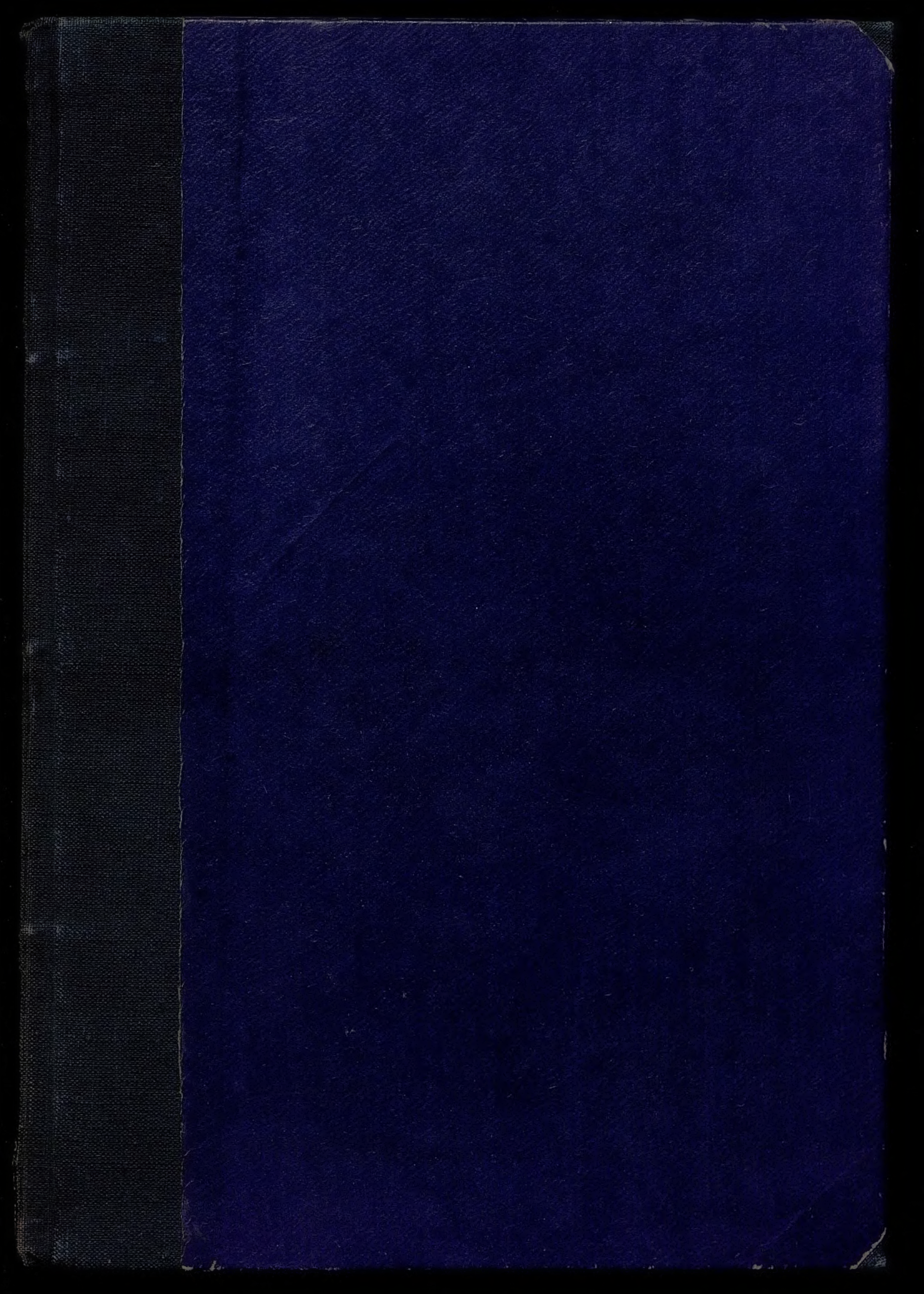

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

ИМЕНИ
Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1949

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. С. МАСЛОВА

СТАРИННАЯ ОДЕЖДА И ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАРГОПОЛЬЩИНЫ

(По материалам командировки 1947 г.)

Летом 1947 г. мною была совершена краткая рекогносцировочная поездка в Каргопольский район (Архангельской обл.)[1] для предварительного ознакомления с районом в связи с намеченной в 1948 г. Институтом этнографии АН СССР Северновеликорусской экспедицией в бассейн р. Онеги. В Каргопольском районе расположено оз. Лаче, откуда вытекает р. Онега; в прошлом это — Каргопольский уезд Олонецкой губ. Район этот издавна привлекал внимание исследователей богатством и художественностью образцов народного творчества. В центральных музеях имеется немало коллекций из предметов, собранных в этих местах (например, коллекция Н. Билибина в Этнографическом музее в Ленинграде); однако специальных работ, посвященных этнографии этого края, нет, а коллекции нередко плохо датированы, так как собирались старыми, зачастую любительскими методами.

Основное занятие населения — сельское хозяйство. В селениях, расположенных по берегу оз. Лаче и у рек, значительную роль играет рыболовство. Оригинальная черта хозяйственной жизни края — сбор ягод и грибов, растущих здесь в изобилии. Они не только употребляются в пищу местным населением, но и вывозятся за пределы района. Из производств отметим гончарное и обработку дерева.

Селения, обычно с небольшим количеством дворов (что типично для русского севера), располагаются у озер, рек и вдоль дорог. Добротная, просторная изба на высоком подполье с двухэтажным двором характеризует жилище колхозников. Своеобразную черту составляет односкатная крыша, покрывающая хозяйственные постройки и зимовки (зимние избы). Большой интерес представляет церковная архитектура края.

Будучи в районе очень недолго, я не имела возможности изучить все стороны быта Каргопольщины и занималась лишь двумя вопросами: народным костюмом, гончарством, в частности, производством глиняной игрушки.

В настоящее время платье, юбка с блузкой — основные формы женской одежды. Старшее поколение носит иногда сарафан. Отдельные части старинного костюма, особенно когда-то ценившиеся, сохраняются кое-где в сундуках колхозниц. Части этого в основном исчезнувшего комплекса следующие: холщевая рубаха, в большинстве случаев без поликов (пря-

[1] Я посетила г. Каргополь, с. Нокола, Нокольского сельсовета, и дер. Гринево, Ловзенского сельсовета.

моугольных вставок на плечах); рукав, выкроенный вместе с плечевой частью, пришивался непосредственно к вороту. Рубаха чаще состояла из двух частей: верхней —«рукавов» и нижней —«стана». Рукава шились длинными (значительно длиннее руки), широкими в верхней части и узкими у кисти. Второй вариант — рубаха того же покроя, без поликов и с воротом, собранным на узкой обшивке, но с широкими, пышными рукавами, собранными у кисти (эта разновидность северновеликорусской рубахи названа Б. А. Куфтиным «новгородской»). Рубахи отличаются богатством орнаментации. «Намышники» представляют собой прямоугольную плечевую вышивку с геометрическим узором, выполненную браной техникой (по-местному — «в набирку»). Иногда и весь рукав покрывался узором ритмически расположенных розеток или птиц. Разрез ворота на груди, а особенно подол рубахи имеют фигурную орнаментацию, встречаемую на одежде лишь у северных великоруссов. Нарядную рубаху с *подподольницей*, на которой изображались люди, животные, птицы, носили иногда без сарафана, подхватывая поясом. Такую одежду носили молодые женщины и девушки во время покоса и жатвы. Более поздней разновидностью женской рубахи является кумачевая или ситцевая, с холщевым станом, без поликов, с суживающимися к кисти или с пышными, иногда доходящими лишь до локтя рукавами (так называемая «русская рубашка»).

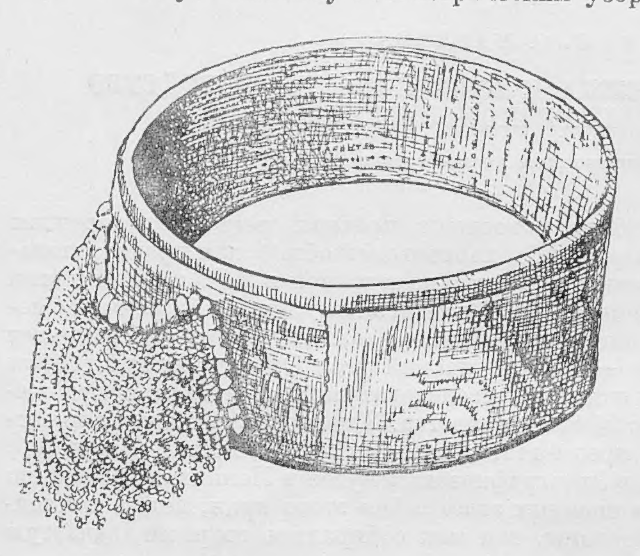

Рис. 1. Девичий головной убор—«перевязка»

Рис. с натуры Н. А. Юсова

Необходимую часть одежды составлял сарафан. Каргопольщина — один из районов, где зафиксирована наиболее древняя форма сарафана—*шушуна, сукмана*. Шился он из шерстяной или полушерстяной красной материи и состоял из центрального полотнища, перегнутого на плечах, к которому пришивались боковые скошенные полотнища. К широким проймам пришивались фальшивые рукава в виде узких полос. Тип сарафана-шушуна отмечен преимущественно на территории древней Новгородской земли (б. Псковская, Новгородская, Олонецкая, Тверская губернии). И по названию, и морфологически он сближается с южновеликорусской нагрудной женской туникообразной одеждой типа *шушуна, шушпана, касталана*, а с другой стороны — с южнославянскими формами женской одежды (болгарский *сукман*). Эта, одна из древних форм северновеликорусской народной одежды, связана с характерными формами Московской одежды XVI—XVII вв.; первоначально накладная, одежда превращается в распашную с пуговицами и петлями спереди. *Широколямошник* — косоклинный сарафан с пуговицами спереди был известен в Каргопольщине, но уже в XIX в. господствующей формой стал прямой сарафан на лямках

(так называемый «московский», или «круглый»), получивший в Каргопольском районе различные названия в зависимости от материала и окраски: *набивник, троекрасоцник, ситцевик, пестрядильник, атласник, кашемирник* и т. д. Сарафан всегда подпоясывался; пояс был необходимой частью как женской, так и мужской одежды.

Особого внимания заслуживают головные уборы. Праздничным девичьим головным убором была *перевязка,* охватывавшая голову, верх которой при этом оставался открытым. Перевязка — плоский обруч из бересты или картона, обшитый кумачом и позументом, с жемчужной или бисерной поднизью спереди (рис. 1). Наиболее старинную форму

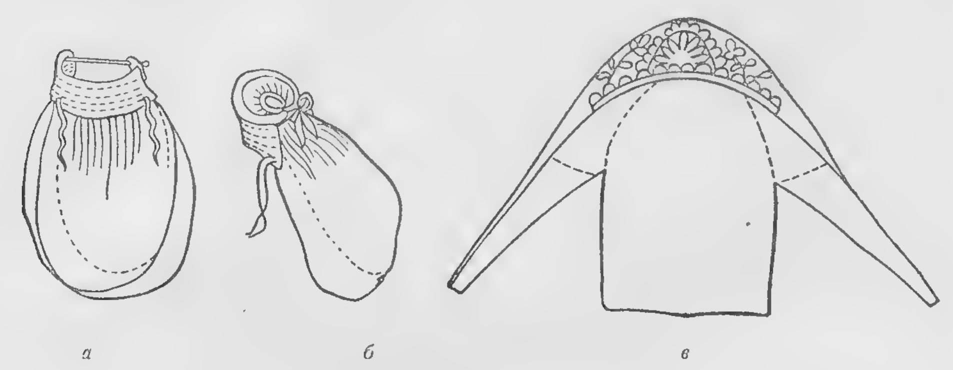

Рис. 2. Женские головные уборы Каргопольщины

а — «сдериха» (вид спереди); *б* — «сдериха» (вид сбоку); *в* — «сорока»

женского головного убора представляет собой кичкообразная *сдериха-сорока. Сдериха* — нижняя часть убора в виде волосника из ткани, с пришитой впереди небольшой стеганой подковообразной частью (рис. 2, *а, б, в*), в которую, видимо, собирались волосы. Сверху надевалась вышитая золотой нитью или белым бисером *сорока* (рис. 2, *в*). Очелье «сороки» представляет собой как бы треугольник с закругленным верхом; боковые части («крылья») — с завязками, «задок» — низ прямоугольной формы, верхние углы его срезаны. «Сдериху» помнит лишь старшее поколение. Зато кокошник носили еще недавно. В кокошнике твердая основа и верхняя, украшенная часть, составляют одно целое. Кокошник состоит из очелья, выдающегося вперед тупым углом, боковых лопастей («ушей») и «задка», облегающего голову в виде шапочки (рис. 3). Обшитый галуном кокошник расшивался жемчугом и перламутровыми «плашками», передний край украшался жемчужной поднизью.[2]

Но далеко не все женщины имели нарядный и сравнительно дорогостоящий кокошник. Изготовлялись кокошники по заказу, специальными мастерицами, жившими в городе и в некоторых крупных селах. Как рассказывают старухи, не все могли «справить земцузный кокошник». Женщины победнее «держали бусовы́е» — украшенные белым бисером, имитирующим жемчуг. Некоторые не имели и «бусового» кокошника и брали его взаймы на время свадьбы. В деревне кокошник был свадебным или праздничным головным убором молодых женщин, носивших его в самые большие праздники, до рождения первого ребенка. «Под

[2] Довольно широкое распространение жемчуга в качестве украшения в северновеликорусской народной среде не удивительно, так как жемчуг добывался в наших северных реках. Жемчужный промысел существовал кое-где на севере еще в XIX—начале XX в.

венец» надевали перевязку, и по приезде из церкви, когда молодая усаживалась за стол, «божатка» (сваха) причесывала молодую и надевала на нее кокошник.

Кокошник Каргопольщины генетически связан с местными народными головными уборами — «сдерихой-сорокой». «Сорока», составляющая одно целое с «крыльями», «позатыльником» и твердой основой, и образовала кокошник. У кокошника, как и у «сороки», та же своеобразная форма

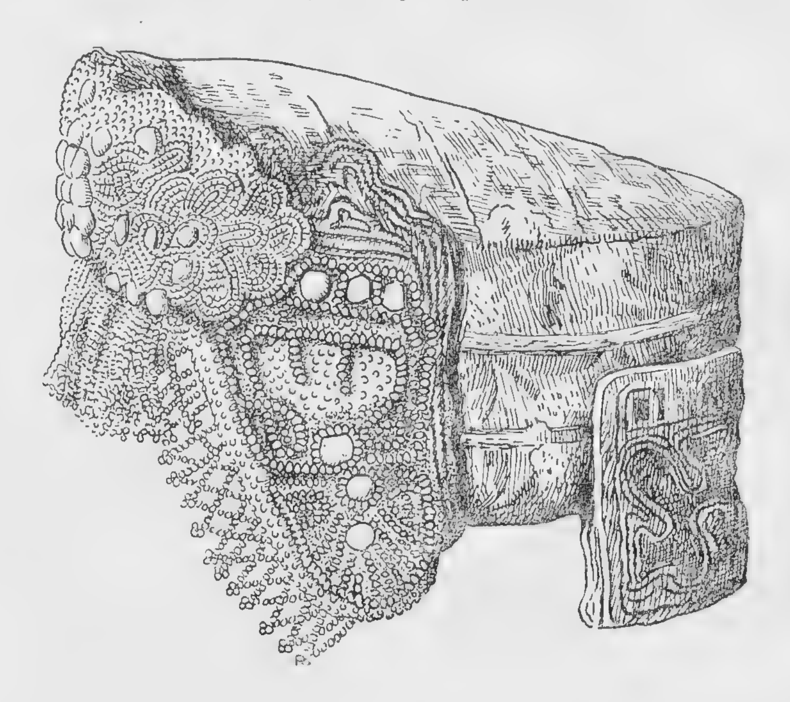

Рис. 3. Кокошник

Дер. Гренево, Каргопольского района, Архангельской области
Рис. с натуры худ. Н. А. Юсова

очелья. Появление «ушей» в кокошнике, видимо, связано с формой старинных женских шапок, распространенных в Московской Руси в XVI—XVIIвв. В качестве будничных головных уборов носились повойники, платки. Оригинальны были домотканные косынки с каймой из браного узора в виде гуськов, напоминающего орнаменты головных уборов карел и русского населения Калининской области, и особенно платки из белой бумажной ткани, вышитые золотой или серебряной нитью («золотой плат»), с растительным орнаментом. «Золотой плат» надевался поверх кокошника в самые большие праздники и переходил от поколения к поколению.

Можно наметить несколько комплексов женского костюма, бытовавших в Каргопольщине: 1) сарафан-шушун, или косоклинный сарафан, рубаха с рукавами без сборок, «сдериха-сорока»; 2) прямой сарафан, рубаха с пышным рукавом, кокошник, повойник. В конце XIX в. появляется третий комплекс: юбка, кофта, сшитая в талию («казачок»). Кокошник, «плат» носили и с этим комплексом, дополняя последний расшитым фартуком. В настоящее время «казачок» с юбкой носятся реже, чем сарафан, который оказался более устойчивой формой. Атласники, перевязки, кокошники перестали носить в 30-х годах нашего столетия.

Вышивка одежды, полотенец, подзоров и пр. поражает богатством сюжетов, разнообразием техники и многокрасочностью. Композиции с центральной женской фигурой и боковыми фигурами всадников особенно часты (рис. 4). Птицы по бокам дерева, стилизованное изображение орла, двухголовые животные, барсы и птица-сирин — вот мотивы каргопольской вышивки. Обращают на себя внимание изображения стоящих на лошадях всадниц. Скудные данные, собранные об одежде и орнаменте, позволяют все же выделить древние местные элементы культуры, тесную связь населения с культурой древнего Новгорода, откуда явились первые славянские колонизаторы края, а также сильное культурное влияние Москвы, особенно начиная с XV—XVI вв.

Рис. 4. Вышивка на полотенце из Каргопольского района

Изученное мною производство глиняной посуды и игрушек позволяет охарактеризовать его пока в общих чертах. Гончарством занимаются в колхозах деревень Гринево, Ананьино и др. Ловзенского сельсовета, а также в мастерской промкооперации в г. Каргополе. Занимаются гончарством и изготовлением глиняных игрушек преимущественно женщины. Посуду делают (из глины местного происхождения) на ручном гончарном круге, состоящем из скамьи, на которой укреплен деревянный стержень; на него надевают деревянный же круг, имеющий внизу крестовину, соединенную с кругом четырьмя вертикальными брусками. При изготовлении посуды частично применяется техника «налепом». Сна-

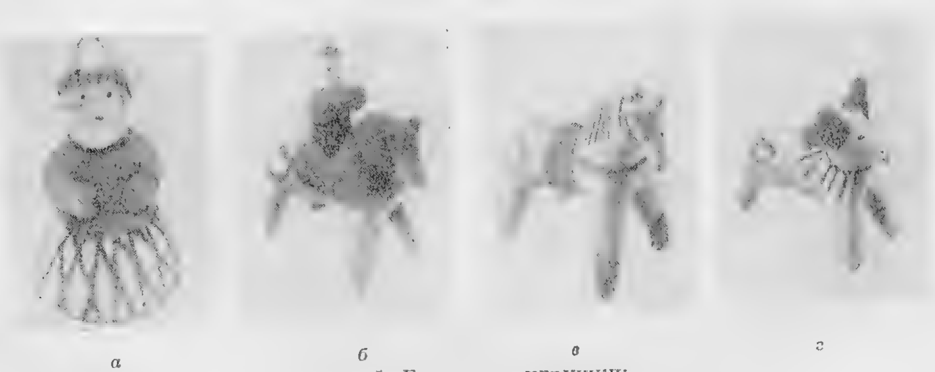

Рис. 5. Глиняные игрушки:

а — кукла; *б* — вершник; *в* — конь; *г* — лось

Дер. Гренево, Каргопольского района, Архангельской области

чала скатывают шар из глины («катышек») и распластывают его на круге — это плоское дно сосуда. Если сосуд небольшой, он делается из одного

«катышка». Если сосуд значительной величины, то, скатывая глину в виде жгута («тетеркой»), накладывают ее спирально на основу. Для больших сосудов (например, квашни) наращивают до четырех «тетерок». Работа производится на дому или в мастерских. В колхозах имеются общественные «красильни» — постройки с печью для обжига посуды. В Каргополе есть гончарная мастерская, представляющая собой новое, светлое здание, состоящее из трех помещений: глинохранилища, мастерской, где формуется посуда, и помещения для ее обжига. Я посетила одну из деревень, где изготовляют глиняную игрушку, — д. Грипево. Имеется две разновидности игрушек: 1) хорошо обожженная в горне, обливная, одноцветная игрушка, 2) слабо обожженная в русской печи с яркой раскраской в два-три цвета. Последняя особенно близка к игрушке, изготовляемой около г. Кирова. В сюжетах игрушек также много общего: кукла (рис. 5, *а*), женская фигура в расширенной книзу юбке, в кокошнике (иногда она изображается с поднятыми руками, держащими птиц), «вершник» (всадник), конь, лось (рис. 5, *б, в, г*), «ýтушка», корова, баранчик и т. д. Наряду с традиционными образами народной игрушки, идущими из глубокой древности и как бы перекликающимися с образами русской северной вышивки, в игрушке отражены разнообразные бытовые сюжеты — сцены из народной жизни («гармонист», катанье в лодке, езда на санях и т. д.). Слабо обожженная игрушка покрывается сначала белой краской, а затем частично раскрашивается другими красками. На фигурках животных — коня, лося, уточки — всегда имеется изображение круга.

Каргопольский район — край древней русской национальной культуры — представляет большой интерес для исследователя как со стороны его истории, так и со стороны тех огромных положительных хозяйственных и культурных сдвигов, которые произошли здесь за последние 30 лет.

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

КОМПЛЕКСНАЯ АНТРОПОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАЗАХСТАН

Основной задачей экспедиции было всестороннее комплексное изучение физического типа, культуры и быта народов Юго-Восточного Казахстана — казахов, уйгуров и отчасти дунган. В центре внимания экспедиции стояли проблемы этногенеза указанных народов, а также историко-этнографические вопросы, связанные с развитием отдельных культурно-бытовых явлений и с их трансформацией в годы социалистического строительства.

В состав экспедиции[1] входили антропологи и этнографы. Первые были представлены Н. Н. Чебоксаровым (нач. экспедиции), В. В. Гинзбург (зам. нач. экспедиции), А. В. Гинзбург, И. А. Минской, К. Д. Каупуш; вторые — А. Н. Нуркановым (зам нач. экспедиции), М. Н. Кабировым, Г. Г. Стратановичем, Е. И. Маховой, Д. Р. Рахметовым, Ф. А. Ароновым, И. В. Захаровой, Н. В. Шлыгиной, Н. Г. Борозна.[2] План работы экспедиции, осуществленный полностью, предусматривал антропологическое и этнографическое изучение казахов и уйгуров в шести смежных районах Алма-Атинской и Талды-Курганской областей: Чиликском, Кегеньском, Нарынкольском, Уйгурском, Панфиловском и Октябрьском. В каждом районе экспедицией обследовано от 3 до 12 колхозов.

В Чиликском районе этнографическим отрядом обследованы уйгурские и казахские колхозы Байсеитовского и Малыбайского сельсоветов. Антропологических работ в Чиликском районе в 1947 г. не ставилось, так как данный район изучен в этом отношении экспедицией под руководством М. Г. Левина в 1946 г.

Антропологическая и этнографическая работа была проведена всем составом экспедиции в Уйгурском районе в селениях Большой и Малый Аксу, Дулайты, Ават, Тегермень, Аксай (всего 8 колхозов). Специальный уйгурский этнографический отряд в составе М. Н. Кабирова и И. В. Захаровой продолжал работу в Уйгурском районе в селениях Чунджа, Дубун, Кольджат и Чарын. Основная же группа сотрудников экспедиции работала в Кегеньском районе, где были обследованы колхозы в Джаланашском, Меркенском, Узунбулакском и Кегеньском сельсоветах (колхозы «Среди гор», им. Сталина, «Энбекши» и др.). Следующим районом

[1] Она была организована совместно Институтом этнографии АН СССР и Институтом истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР.

[2] Т. т. Нурканов, Кабиров, Рахметов и Аронов — научные работники Казахстана, постоянно живущие в г. Алма-Ата.

Схематическая карта маршрутов комплексной антрополого-этнографической экспедиции 1947 г. в Казахскую ССР:

1 — пункты работы казахского отряда; *2* — пункты работы уйгурского отряда; *3* — маршрут экспедиции. Условные знаки без названий обозначают посещенные колхозы

работ экспедиции был Нарынкольский. Этнографические и антропологические работы проводились здесь как в самом Нарынколе (колхозы «Энбекши» и «Пограничный»), так и в ряде соседних сельсоветов (колхозы им. Джамбула, «Кара-тоган», «Джана-тоган», «Кзыл-Чекара», «Ульгули», им. Ленина и др.).

Для работы в Панфиловском районе экспедиция разбилась на два антрополого-этнографических отряда. Первый из них в составе Н. Н. Чебоксарова, М. Н. Кабирова, И. В. Захаровой, И. А. Минской и Н. Г. Борозна обследовал уйгурские колхозы в окрестностях Панфилова (Джаркента) и в селениях Пенджим, Хоргос, Чулукай, Тишкан. Этим же отрядом проведено антропологическое изучение населения в самом Панфилове. Второй отряд в составе Ф. А. Аронова, Е. И. Маховой, К. Д. Каупуш и Н. В. Шлыгиной работал в казахских колхозах Панфиловского района (колхозы им. Джамбула и «17 сентября») и Октябрьского района (колхозы им. Ленина, «Энбекши» и им. Джамбула).

Самостоятельную этнографическую работу, входившую в план экспедиции, провел Г. Г. Стратанович среди дунган с. Джалпак-тюбе Джамбульской области, после чего он продолжил этнографическое изучение дунган Киргизской ССР в г. Фрунзе.

I

Антропологическое обследование населения проводилось по обычной программе московских и ленинградских антропологов, включающей измерения роста, основных пропорций тела, а также изучение измерительных и описательных признаков головы и лица. Изучались также группы крови. Всего обследовано 1500 взрослых мужчин и женщин (18—60 лет) и некоторое количество детей и подростков. Из числа обследованных примерно 900 казахов и 600 уйгуров — уроженцы районов, посещенных экспедицией. По месту рождения и национальной принадлежности все обследованные разбиты на 5 этно-географических групп: 1) казахи кегеньские, 2) казахи нарынкольские, 3) казахи джаркентско-октябрьские, 4) уйгуры аксуйские и 5) уйгуры джаркентские. В каждой локальной группе обследовано по 100—200 взрослых мужчин и около 100 взрослых женщин. Кегеньские и нарынкольские казахи в родовом отношении принадлежат преимущественно к группе албан, джаркентские и октябрьские (коктальские) казахи — к группе суан. И те и другие по своему происхождению входили в состав Большой орды.

Предварительное ознакомление с собранным антропологическим материалом и полевые наблюдения показывают, что среди юго-восточных казахов, входивших в Большую орду, преобладает тот же антропологический комплекс, который отмечался прежними исследователями (Ивановским, Харузиным, Руденко, Ярхо) в других районах Казахстана и который в советской антропологической литературе чаще всего описывается как «южно-сибирский» тип (терминология Ярхо). Для этого типа характерно сочетание среднего или несколько ниже среднего роста, прямых, но большей частью мягких волос, умеренного развития бороды и усов (с тенденцией к пониженному), относительно темной пигментации (но с определенным количеством смешанных оттенков радужины), очень крупной, выраженно брахикефальной мозговой коробки (головной указатель 83—85), часто наклонного лба, развитого надбровья, очень высокого и широкого, несколько уплощенного «скуластого» лица, сильной складки верхнего века (при спорадическом появлении эпикантуса), умеренно выступающего узкого носа с прямой или выпуклой спинкой.

У юго-восточных казахов (особенно у кегеньских и нарынкольских албан) черты описанного типа выражены, повидимому, не столь резко, как у других казахских групп центральных областей Казахской ССР и соседних районов Сибири (по данным Ярхо, Дебеца, Левина). Отличия юго-восточных казахов от центральных и северо-восточных сказываются в том, что у первых сильнее развит третичный волосяной покров, слабее тенденция к депигментации волос и глаз, смягчены черты «матуризации» (наклонный лоб, резкое надбровье), ослаблена складка верхнего века, реже встречается эпикантус. Антропологически юго-восточные казахи сближаются с соседними киргизами Тянь-Шаня (данные Ошанина и Ярхо). Возможно, что среди тех и других наряду с преобладающими «южносибирскими» компонентами присутствуют древние европеоидные включения «памиро-ферганского» облика (по терминологии Ярхо). Вывод этот имеет существенное этногенетическое значение, так как он может указывать на вхождение в состав относительно изолированной в горных районах группы казахов-албан (а отчасти и суан) потомков древнего населения Семиречья, антропологически, вероятно, европеоидного, по крайней мере до начала нашей эры. Вполне законно поставить вопрос о сохранении в горах Семиречья европеоидных короткоголовых типов, которые были господствующими среди живших здесь некогда усуней (Т. А. Трофимова).

Не менее интересны предварительные заключения из материалов по этнической антропологии уйгуров, резкое «расовое» отличие которых от казахов бросается в глаза даже не специалисту. Среди уйгуров Уйгурского и Панфиловского районов явно преобладают короткоголовые европеоидные компоненты, близкие к памиро-ферганскому. Для обеих уйгурских групп характерно сочетание среднего роста, всегда мягких, прямых или волнистых волос, хорошо развитой бороды, интенсивной пигментации (темные волосы, карие глаза), крайне брахикефальной, абсолютно короткой мозговой коробки (головной указатель 85—87), прямого лба, слабого надбровья, среднего по абсолютным размерам и горизонтальной профилировке лица, «широко открытых» глаз (складка верхнего века умеренна, эпикантуса у взрослых нет), лепторинного выступающего носа, большей частью с прямой спинкой.

Ярко выраженная европеоидность уйгуров в сочетании с брахикефалией прямо указывает, что уйгурский народ сформировался среди того же древнего населения Западного и Восточного Туркестана, которое принимало участие в этногенезе ряда оседлых иранских и тюркских народов (таджики, памирские племена, отчасти афганцы, узбеки и др.). Тесные этногенетические связи уйгуров с аборигенами Средней Азии в свете антропологических данных, собранных экспедицией, становятся несомненными, особенно если принять во внимание, что уйгуры Синьцзяна в расовом отношении очень близки к своим советским соплеменникам (данные Стейна, опубликованные Джойсом). В то же время среди уйгуров Казахстана, несомненно, присутствуют и монголоидные антропологические компоненты, влияние которых сказывается особенно ярко в детском возрасте. Среди уйгурских детей часты уплощенные лица, со слабо выступающим носом, косо расположенными глазами, эпикантусом. Обработка материалов, собранных экспедицией, должна показать, с какими монголоидами мы имеем в данном случае дело: с дальневосточными — узколицыми (возможное последствие смешения с китайцами) или с центральноазиатскими — широколицыми (результат взаимодействия с кочевниками — монголами и тюрками).

II

Этнографические данные собирались сотрудниками экспедиции — москвичами преимущественно по материальной культуре, алмаатинцами же — главным образом по общественному и семейному быту, родовым отношениям и фольклору. Кроме записей по всем разделам работы, производились многочисленные зарисовки, съемка планов и чертежей, а также фотографирование (более 500 снимков). Собранные материалы охватывают почти все стороны культуры и быта населения Юго-Восточного Казахстана, но по отдельным темам распределяются неравномерно. Краткий обзор этих материалов в настоящем отчете дается раздельно по казахам и уйгурам.

Рис. 1. Глинобитный дом колхозника-казаха

Колхоз им. Ленина, Октябрьского района, Талды-Курганской области

Значительное место в работе этнографического отряда экспедиции занимало изучение экономического быта юго-восточных казахов. Кегеньский и Нарынкольский районы относятся к числу районов Казахской ССР с выраженно животноводческим профилем (лошади, крупный рогатый скот, овцы и козы). В казахских колхозах Панфиловского и Октябрьского районов животноводство также преобладает, хотя зерновое хозяйство играет здесь бо́льшую роль, чем на крайнем юго-востоке республики. Экспедицией собран большой материал по старинным и современным формам скотоводства (в частности, овцеводства и коневодства), по способам приготовления и хранения молочных продуктов. В Нарынкольском районе сотрудники экспедиции выезжали на летние горные пастбища (*джайляу*), посещали колхозные молочные фермы. Зафиксированы специальные сосуды для приготовления и употребления молочных продуктов. Подробно описаны приемы изготовления различных типов сыров (в частности, *курта*). Тов. Нуркановым собраны сведения по хозяйственной истории отдельных колхозов со времени их основания по сегодня. Особое внимание было уделено также коренным изменениям

хозяйственного быта казахов в связи с переходом к оседлости (в частности механизации сельскохозяйственных работ, обеспечению скота зимними кормами и улучшению пород рогатого скота).

В настоящее время у казахов господствует прямоугольное, постоянное жилище с плоской крышей. Дом большей частью трехкамерный. В Кегеньском и отчасти Нарынкольском районах в связи с обилием леса преобладает срубная техника, в остальных районах — глинобитная (рис. 1). Изучение внутреннего убранства жилища показало, что в советскую эпоху, после перехода к оседлости, выработались устойчивые формы планировки ма (рис. 2), размещения мебели и украшения жилых комнат. Прежнее

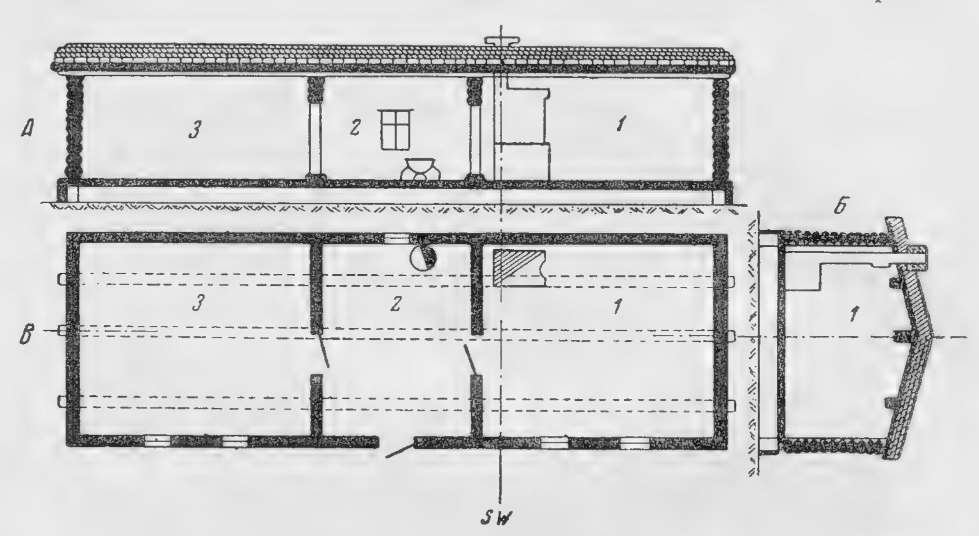

Рис. 2. Дом колхозника Садыкова Нусубалы

А — продольный разрез; *Б* — поперечный разрез; *В* — план: *1* — гостиная (*конак-уй*); *2* — прихожая (*аузы-уй*); *3* — кухня (*ашкана*)
Колхоз им. Сталина, Кегеньского района, Алма-Атинской области

жилище казахов (юрта) сохранило свое значение на джайляу и горных фермах, в постоянных поселках юрта встречается как исключение. В колхозе «Кзыл Чехара» специально для экспедиции была собрана юрта со старинной обстановкой. Здесь же детально записана вся терминология, связанная с возведением и украшением юрты. В терминологии этой отмечены своеобразные черты, не известные в других районах Казахстана.

Большой этнографический материал собран экспедицией по ремеслам, в частности, художественным. Обследованы чеканка по металлу (орудия труда, техника, образцы сбруи, седел, различных украшений), раскраска дерева (крашеные сундучки *кебеже*), тиснение по коже, валяние кошм и т. д. (рис. 3). Зафиксированы образцы старинной и современной вышивки; прослежено, в частности, широкое распространение в последние годы вышивки крестом (рис. 4), что, несомненно, отражает влияние соседнего русского и украинского населения.

Обследование показало бытование интересных с этнографической точки зрения средств передвижения, как, например, различного вида колесных повозок, сходных с аналогичными формами, имеющимися у других народов Средней Азии. Выявлены интересные новообразования военных лет, например, «танк-арба» с массивными сплошными колесами. Подробно описана упряжь лошади, быка, верблюда (современная и старинная).

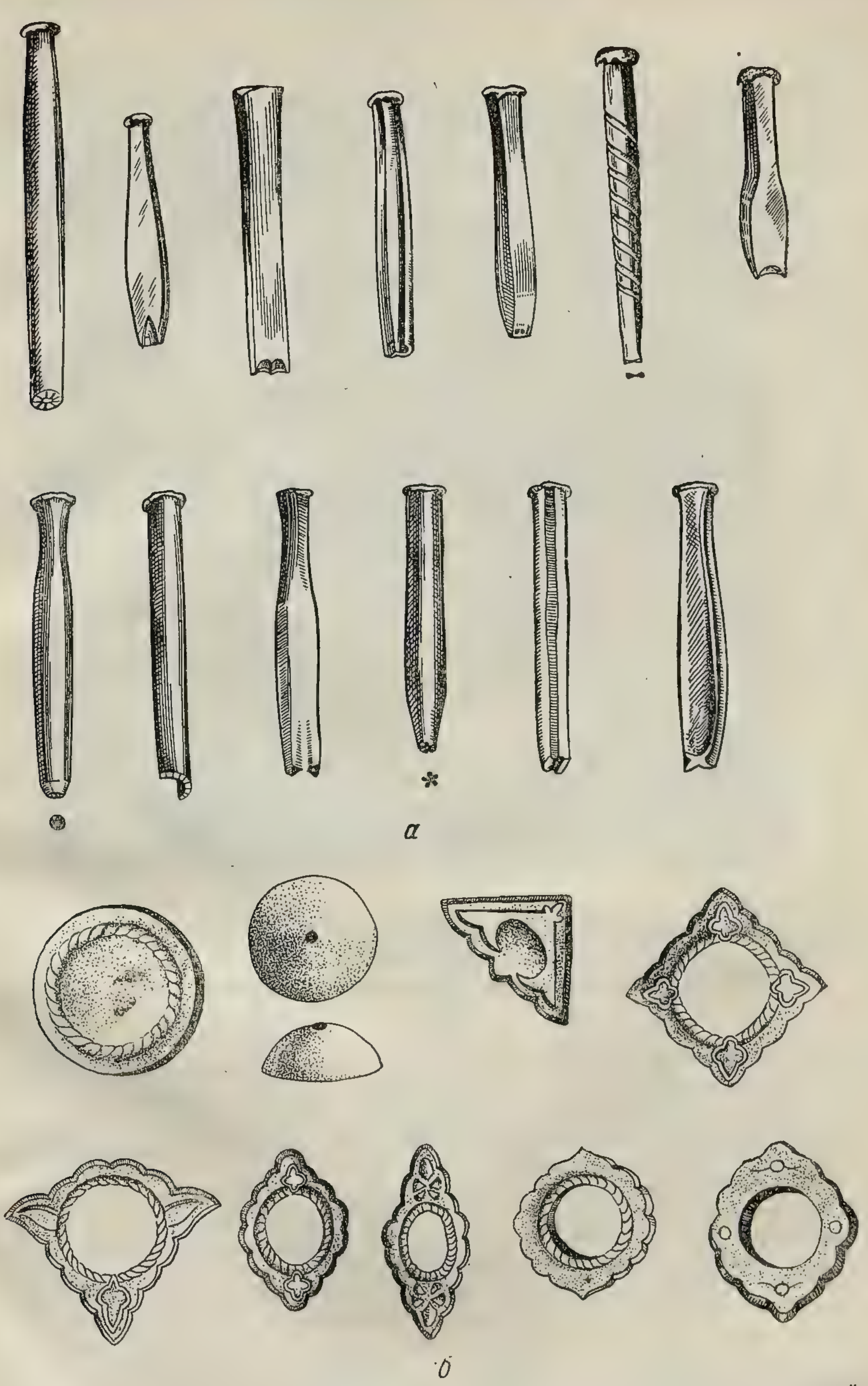

Рис. 3. Инструментарий, употребляемый при выделке металлических украшений

а — инструменты, которыми наносится узор при чеканке по металлу; *б* — *калыбы* — формы для отливки металлических украшений для сбруи

В непосредственной связи с хозяйственной перестройкой Юго-Восточного Казахстана на базе коллективизации находятся широко развернутое дорожное строительство (особо важное в горных условиях) и применение при сельскохозяйственных работах и перевозке грузов автотранспорта.

Особое внимание было обращено на изучение старинной и современной утвари и способов приготовления пищи (мясной, молочной, мучной). Старинная одежда почти вышла из употребления, и ее пришлось в большей степени восстанавливать по рассказам стариков, чем по сохранив-

Рис. 4. Уголок жилого дома колхозника-казаха. Подзор у кровати и занавес, прикрывающий висящую на стене одежду, богато украшены вышивкой

Кегеньский район, Алма-Атинской области

шимся образцам. Гораздо лучше сохранился женский головной убор *кимешек* с разнообразными типами вышивок, представляющих большой этнографический интерес. Зафиксированы также различные женские украшения (браслеты, кольца, серьги и др.), женские и мужские пояса старинной чеканки с богатым орнаментом.

Наибольшее внимание экспедиция обращала на изучение быта современной колхозной семьи, а также на фиксацию старинных и пережиточных форм родовых отношений и на конкретную историю отдельных родов. Записано от стариков (*аксакалов*) значительное количество родословных, анализ которых позволит уточнить представления о происхождении родовых подразделений Большой орды (албан, суан, дулат и др.). Тов. Рахметовым собран новый материал по детским играм юго-восточных казахов, т. Ароновым — по фольклору, в частности по фольклорной интерпретации участия юго-восточных казахов в восстании 1916 г. и устному творчеству, отражающему участие казахов в Великой Отечественной войне.

Рис. 5. Кладка стен уйгурского дома
Колхоз «Кадам», Чиликского района, Алма-Атинской области

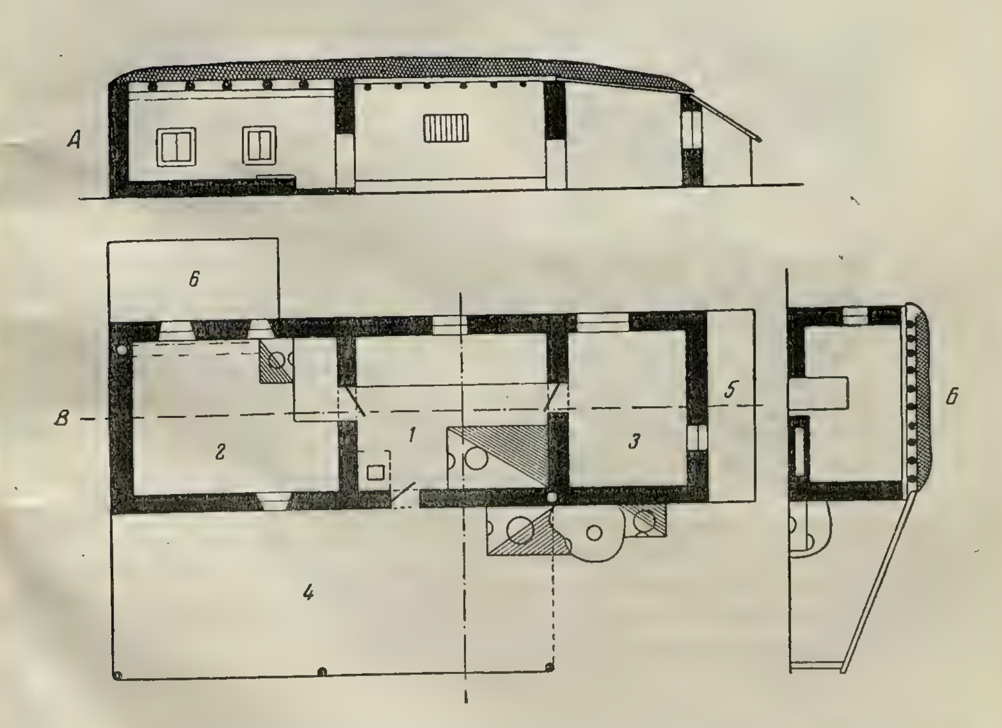

Рис. 6. Дом колхозника-уйгура Таира Измаилова
А — продольный разрез; *Б* — поперечный разрез; *В* — план: *1* — *долан*; *2* — комната для гостей *(сарай)*; *3* — кладовая; *4*, *5* — службы *(баранг)*; *6* — плоская глинобитная площадка перед домом
Сел. Тегермень, Уйгурского района, Алма-Атинской области

III

Этнографическое обследование уйгуров Панфиловского и Уйгурского районов проведено экспедицией впервые, и собранный здесь материал сможет в значительной степени восполнить пробел, существующий в специальной литературе по этнографии Средней Азии. Изучение хозяйства уйгуров еще раз показало, что они являются народом с древними земледельческими традициями. По рассказам стариков описана старинная техника земледелия при обработке пшеницы и риса. Зафиксирована в Чарыне архаическая деревянная соха с оригинальной упряжью, в настоящее время совершенно вышедшая из употребления. Отмечено бытование двух видов серпов. Старинная среднеазиатская техника молотьбы с употреблением вращающегося камня в деревянной раме бытует кое-где и поныне. По личным наблюдениям описана современная техника сельскохозяйственных работ, коренным образом изменившаяся после перехода к социалистической экономике. В целом сельскохозяйственная техника уйгуров сближает их с другими народами советской Средней Азии, в особенности с узбеками. Дальневосточные влияния заметны главным образом в приемах культивации риса. По ремеслам уйгуров удалось зафиксировать полный набор старинных орудий плотников, кузнецов, сапожников. В Кольджате отмечено производство кошм с узорами. Техника и орнамент, возможно, заимствованы от казахов. Из средств передвижения и транспортных приспособлений описаны различные типы волокуш и колесных арб, старинные виды ярма и хомута, деревянные седла. Волокуши и арбы используются кое-где и в настоящее время. Широкое распространение получила также телега, заимствованная, повидимому, от русских.

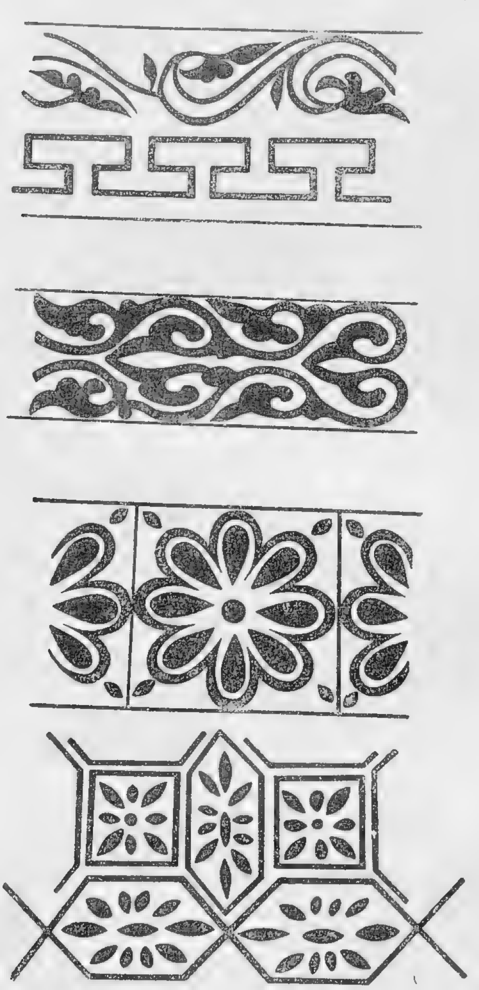

Рис. 7. Образцы уйгурского орнамента

Жилище уйгуров большей частью глинобитное (техника последовательной послойной трамбовки — рис. 5), гораздо реже стены сложены из необожженного кирпича (возможно, здесь сказывается дунганское влияние). Крыша плоская, на горизонтальных балках, лежащих на стенах. Стоячие, врытые в землю столбы поддерживают балки потолка в больших помещениях и обычно стоят внутри дома, но не бывают заделаны в стены (как у дунган и китайцев). По внутренней планировке намечаются два

основных типа уйгурского дома. Для первого типа, распространенного в Чиликском и Уйгурском районах (кроме Чарына), характерен большой дом со сложным планом, объединяющий все жилые и хозяйственные постройки одной семьи под общей крышей. Второй тип преобладает в Чарыне и в Панфиловском районе. Жилье этого типа состоит из нескольких самостоятельных домиков (в 2—3 комнаты), расположенных на общем открытом дворе (рис. 6). В Кольджате сохранился старинный полуоткрытый камин, в остальных селениях замененный обычным очагом или даже железной печью. Повсеместно распространен кан, занимающий, однако, лишь небольшую часть комнаты (в отличие от дунган) и комбинируемый с неотопляемым глинобитным возвышением — *супой*. Зафиксирован старинный выпуклый орнамент, наносимый на внутреннюю сторону стен дома деревянным трафаретом (рис. 7). Таким орнаментом в старых постройках украшались парадные комнаты. Деревянная резьба, сходная с дунганской, отмечена на входных воротах. В общем жилище уйгуров примыкает по основным формам к жилищу других оседлых народов Средней Азии, но несет некоторые следы китайского влияния. В советскую эпоху (особенно после перехода к сплошной коллективизации) жилище уйгуров претерпело существенные изменения: при сохранении старинной строительной техники (рациональной в условиях среднеазиатского сухого климата) и основной планировки появились большие окна, выходящие на улицу, кровати, высокие столы и стулья в комнатах, новые приемы украшения жилища.

До настоящего времени у уйгуров сохраняется старинная утварь: небольшие круглые или четырехугольные столики (иногда китайской работы); сундуки различных размеров, часто богато раскрашенные; полочки для посуды, разнообразные сосуды для приготовления и хранения пищи. Постель обычно убирается в ниши. В последнее время широкое распространение получила мебель городского типа. Экспедицией отмечено также сохранение в быту национальной уйгурской пищи. Описаны способы приготовления лапши (несколько видов), манту, пельменей, плова, различных типов хлеба. В пище уйгуров обнаруживается сходство, с одной стороны, с другими оседлыми народами Средней Азии (особенно с узбеками), с другой стороны — с дунганами.

Изучение национального костюма уйгуров представляло большие трудности, так как старинная одежда почти совершенно не носится. Современный мужской костюм большей частью обычно городского типа, часто военного покроя. Среди женщин распространены платья узбекского и казахского покроя и различные безрукавки. Старинный костюм описан по рассказам стариков и старух. В целом национальная одежда — среднеазиатского типа. Зафиксирована, однако, мужская нательная распашная одежда дальневосточного типа, запахивающаяся на левую сторону.

Ценные данные по истории переселения уйгуров в пределы России и по истории отдельных уйгурских поселений и колхозов собраны т. Кабировым. Им же производилось изучение духовной культуры уйгуров, в частности их фольклора (старинного, отразившего национальную борьбу в Китае и переселение в Россию, и современного, связанного с социалистическим строительством и Великой Отечественной войной).

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ЭКСПЕДИЦИЯ К ДУНГАНАМ ОШСКОЙ ГРУППЫ

При завершении обследования дунган-ошской группы, маршрут выезда 1947 г. проведен по линии: г. Джамбул — Джалпак-тюбе (Дунгановка) — с. Пулат-Кощи (Вторая Дунгановка) — с. Май-тюбе (Мандалак, на территории Киргизии) — с. Кок-тюбе (также на территории Киргизии).

Интерес к джамбульским дунганам обусловливается полным отсутствием сведений о них в литературе, а также тем, что именно здесь можно было получить сведения о заключительной части пути группы Ма Дарына. Выяснение родословной информаторов [1] и большинства жителей с. Джалпак-тюбе подтвердило с несомненностью наш предварительный вывод (1946 г.) о принадлежности дунган-ошцев (а стало быть, и карасуйцев, и джамбульцев) к Кашгарскому землячеству. Напомним, что в конце 70-х годов XVIII в., после разгрома Джунгарского царства, китайцы «осваивали» захваченный край (Кашгарию и Джунгарию) путем устройства ряда поселений ссыльнокаторжных китайцев и переброски к границам новых владений частей «знаменной» армии: белокрасного знамени (по составу маньчжуры-сибо, солоны, олёты) и зеленого знамени (мусульмане, в основном дунгане). Военные поселения — «кенты» и отдельные хутора поселенцев не обеспечили требуемого спокойствия границ. Ряд крупных и мелких восстаний приводил к потерям как среди местного населения, так и в «знаменных» войсках. После восстания Дженгир-Ходжи (в 1829 г. и др.) архивными данными отмечена вторая крупная переброска дунган из провинции Ганьсу в основные города Кашгарии и Джунгарии. Позже дунгане составили значительную часть населения всех основных городов края, образуя при расселении отдельные кварталы. Посредническая торговля (одна из основных профессий зарубежных дунган) способствовала установлению тесного контакта между дунганскими общинами отдельных городов и местечек Кашгарии, а также некоторых связей их с окружающим единоверческим населением. Вполне естественно, что когда отголоски тайпинского восстания докатились до крайнего северо-запада Китая, дунгане явились носителями идей тайпинов и тем катализатором, который ускорил взрыв давно назревшего восстания мусульман Кашгарии против гнета маньчжурского правительства. В ходе восстания дунгане составили его боевой костяк. Однако, если в Джунгарии эта роль сохранилась за ними вплоть до последней фазы восстания, то в Каш-

---

[1] Основными информаторами моими были: инвалид Исхак Аширов, заведующий пунктом Заготплодоовощь Арли Аширов, старик Камбар Билялов, кузнец колхоза «Октябрь» Госунфу Шамси Ибрагимов, бригадир молодежной бригады свекловичников Исхак Сулейманов и др. Значительный интерес представили беседы с бывшим халвачи и мастером кулинарии, сейчас бригадиром группы «тин варди» Умаром Кадыровым.

гарии дунганам уже в 1864 г. пришлось столкнуться с посланцем Коканда, а затем правителем уйгурского государства Якуб-беком. Победа осталась на стороне последнего. Вождю кашгарских дунган Ма Дарыну пришлось скрепить договор о дружбе родственным союзом путем брака его дочери со вторым сыном Якуб-бека — Бек-Кулы-беком.

Наступление войск маньчжурского правительства, смерть Якуб-бека, наконец, измена руководящей верхушки восстания привели к его поражению. Уйгурское государство пало. Дунгане, зная по опыту населения г. Манас (где было вырезано более 2 $^1/_2$ тысяч дунган), в чем выражается «милосердие» «возвращающих благоденствие» маньчжурских войск, отошли в пределы России, увозя свои семьи и кое-какой скарб.

Если вождь шэньсийских дунган, народный герой Бый-Янху, растеряв имущество, сумел сохранить единство отряда, то среди кашгарских дунган, ведомых Ма Дарыном, расслоение и классовая борьба наметились уже с момента подготовки к отходу в Россию вместе с войсками Бек-Кулы-бека и вслед за ними. Опросы, сделанные в 1946 г., позволили записать, что по распоряжению Ма Дарына в заслоне против наступающих на Кашгар и далее маньчжурских войск, а главное, против киргизо-афганских грабителей на подступах к границе России был оставлен вождь беднейшей части дунган Кашгарии — батыр, известный под именем Хейхузы (или Хэйхуцзян Да Жэнь; его потомки живут в колхозе «Кзыл-Шарк»), с преданными ему храбрецами. Архивные данные позволяют сделать заключение, что основной натиск преследовавших был направлен против группы Бый-Янху. Отогнав грабителей и будучи уверен, что маньчжурские войска не рискнут продолжать преследование в русских пределах, отряд Хейхузы начал отходить к русской границе, но не дошел до пунктов помощи, которые были организованы русскими на линии Иркештам — Суфи — Курган — Гульча. Имеются указания на гибель этого отряда в районе Улугчата (см. ниже).

Опросные сведения 1947 г. проливают свет и на этот отрезок пути группы Ма Дарына. Чувствуя потерю авторитета и боясь осложнений с русскими властями, Ма Дарын решил обезглавить наиболее боевую и непримиримую часть своей группы; отряд из преданных Ма Дарыну дунган был тайно возвращен им к Улугчату, напал с тыла и уничтожил весь заслон во главе с Хейхузы. Весть о предательстве Ма Дарына и изменническом убийстве вождя бедняков Хейхузы достигла бедноты уже в тот период, когда прибывших расселили в окрестностях г. Ош (район Шейхлар-гузара). В ту же ночь, стараясь не шуметь, друзья Хейхузы: дед нашего информатора Юй Лосань Рамазан и его одногодки Маньсаньын и Мацзихэй подняли бедняков и ушли в г. Маргелан, бросив остатки имущества и даже орудия труда.

В Маргелане дунгане, расселенные на окраинах, крайне бедствовали. Только через три года им было разрешено выехать в Джалпак-тюбе, где 60 семейств начали строить поселок. Руководителем переезда в Аулие-атинский уезд был Юсуф Рахимов (более известный под именем Юсуф-аксакал или Юсуф-халифе) как наиболее бывалый и грамотный.

Дома строились по образцам кашгарских дунганских жилищ. Обычно это — одноэтажные постройки каркасного типа. Под фундамент роют узкий ров глубиной до 50 см, его забутовывают булыжником, щебнем и галечником (поселок лежит в старом русле и пойме р. Талас). Слоем галечника дренируют и пол в домах в низкой части селений. Стены всех старых построек всего в полтора кирпича. Обычно применяется сырцовый кирпич, замешанный на лое с саманом. Формовка его сейчас принята во всех индивидуальных новостройках района. Однако прежде размеры дун-

ганского кирпича были меньше, чем входящего сейчас в обиход — узбекского. Кладка стен строений всех типов сейчас идет уступом. В домах старого типа чаще встречается кладка по слоям: первый слой укладывался горизонтально, второй — вертикально, но поперек, так что на один кирпич горизонтальной кладки приходилось пять кирпичей вертикальной. Увязка кладки шла на лое с примесью извести. Как обычно, внешняя стена построек старого типа глухая. В новых же постройках, где в наружную стену выведены окна, проемы их снабжены резными наличниками и глухими ставнями. Весьма интересны ворота. В поселке сохранилось до десяти ворот арочного типа, глубоких, с высокими стрельчатыми створками. Передний балочный обвод ворот по верхней балке украшен таблицей с двойным лотосом; по краям верхней балки имеются подвески в виде плодов граната и резные (типа «облаков») углы. В двух случаях ворота конструктивно сопряжены с *балаханой* — верхней верандой во втором этаже. В одном случае мы видели двухэтажный длинный дом с «воротами» — проемом под балаханой; последняя связана с двумя крытыми помещениями по ее бокам. Указывают, что этот дом строил дунганин родом из Уч-Турфана.

Большой интерес представляет храмовое зодчество. Мечеть имеет форму правильного прямоугольника. Минарета сейчас нет. Внешне мечеть мало привлекательна. Внутреннее ее убранство богато, но строго. По длинной юго-западной стене тянется серия арочного типа ложных михрабов с резным по ганчу рисунком. Почти посредине стены находится арка — ниша михраба. По ее боковой отделке на уровне плеч человека сделаны две полки для светильников и книг. Справа в юго-западном углу был расположен амвон. Внутреннее потолочное перекрытие, разделенное на крупные квадраты, зашитые тонкими крытыми желтым лаком полужердями (васса), поддерживается тремя массивными колоннами с желтым цоколем и кубово-зеленым стволом. Поперечные балки, синие с красными параллелограммами, опираются на колонны, вделанные в опорный крест типа узбекских мадахилей. По северо-восточной стороне здания идет открытая, слегка приподнятая над уровнем почвы терраса с рядом колонн.

Удалось установить, что ежедневные молитвы совершались не в мечети (*либайсы*), а в домах молитвы (*даотан*). Даотан секты чжехрие, где моления шли открыто, представляет собой квадратное строение с четырехскатной крышей. Весь дом ориентирован в сторону «святых мест» (на юго-запад). Входу предшествует маленькая крытая терраса. По двум стенам его расположены три окна. Внутри даотан оформлен как мечеть, т. е. имеет центральную колонну, на которую опираются балки квадратного потолка. И балки, и потолок тех же цветов, что в либайсы. Второй дом молитвы — даотан секты хуфие — представляет собой обычное жилое строение, без окон по внешнему фасаду; по внутреннему фасаду было всего одно окно, в правой части дома, и дверь в левой его части. Прямо против двери — пятиствольное «священное дерево». Моления, как рассказывают, шли тайно. Дверь плотно закрывалась, окно завешивалось.

Таковы строения поселка Джалпак-тюбе и его отпочкований — поселка Май-тюбе (колхоз «Кзыл Юлдуз»), Пулат-Коши и Кок-тюбе. По условиям землевладения усадьбы поселков Май-тюбе и Кок-тюбе несколько обширнее, но планировка та же. Интересно, что принесенный из Кашгарии принцип устройства *айванов* (дунг. *лын юань*) — дворов прохлады по северной стороне дома — сейчас нарушен. Сейчас айваны устраиваются и в западной и в южной сторонах дома. Только восточная считается слиш-

ком жаркой. Служебные постройки либо соединены с домом навесом,[2] либо строятся отдельным квадратом с кладкой стен в полтора кирпича уступом. В домах старого типа обязательны каны (отапливаемые лежанки). В новых домах их место часто занимает *супа* — лежанка того же типа, вынесенная наружу дома. С помощью ряда жердей, положенных на крышу дома и оплетенных ползучими растениями, над супой создается естественная беседка. Крыши жилых домов обычно односкатны и почти плоски. Их устройство то же, что в крупных поселках Кашгарии, т. е. поперек каркасной верхней обвязки кладутся полужерди *васса* (дунг. *фандинза*); поверх их стелятся маты из камыша (*берданы*) и поверх еще толстый (более 50 см) накат лоевой глинистой массы, смешанной с клейкими веществами и саманом (обмазка производится ежегодно).

Внутреннее убранство дома просто. По левой стороне кана стояли прежде *пугей чуанза* — «столики-кровати» для постельных принадлежностей и предметов женского обихода. По противоположной кану стене обычны либо мучной ларь — *мянь гуй*, либо стол — *бянь чжозы* (типа ырдыкских *бей чжозы* — алтарных столов). На стенах часты дунганские ковры, а также картины — лубочные, духовные (изображения святых мест) и станиолевые (под расписным стеклом). В нескольких случаях усадьба сохранила черты жилища «большой семьи» (типа «длинного дома» или дома, поделенного на камеры, отдельные для каждой малой «парной» семьи), с большими амбарами и навесами для скота, а главное — с общим большим очагом и общим *нанкынза* — одноцилиндровой горизонтальной печью для печения лепешек. В настоящее время больших семей не обнаружено. Однако память о них жива. Выходцы из Уч-Турфана говорят об одной «семье», насчитывавшей около 200 человек. Потомки этой семьи живут в Джалпак-тюбе и в г. Ош. Родство свое они помнят хорошо.

Терминология родства та же, что и у карасуйцев. Как и карасуйцы, дунгане Джамбульского района и с. Мандалак (Май-тюбе) в языковом отношении чрезвычайно интересны. Они обычно трехязычны (знают дунганский, узбекский или казахский и русский языки). Обрядовая терминология арабско-узбекская. В быту терминология часто синкретична. Так, вместо *тондур* (печь для лепешек) говорят *нанкынза* (от узб. *нон* — хлеб и дунг. *кынза* — отверстие, дыра, т. е. отверстие для печения хлеба). Фольклорная изустная передача хранит сотни примеров такого смешения терминологии. Если *цайхуар* — загадки и пословицы-поучения сохранились в наиболее нетронутом виде, то в *да чюйза* и *сяо чюйза* (большие и малые песни, сюда же входят и поэмы исторического характера) незаметно для рассказчика и слушателей проникают узбекские или узбекизированные производственные и бытовые термины. Даже в стандартизованный и традиционный по составу монолог *пяохуади жень* (пояснителя подарков) органически вплелись узбекизированные *шан* — шелковый, *ромал* — платок и др. Чрезвычайно интересно попеременное именование жениха то *сыцза* — лев, то *ху* — тигр (ср. узб. *шир*: в одних случаях — лев, в других — тигр). Монолог пяохуади жень интересен и своим зачином, где дается ряд арабских выражений, тут же переводимых на дунганский: *шамси цзухар* — *цзухар тейян* (солнца лучи — солнца свет); *бадарын туцзя* — *туцзя юэгуан* (луны лучи — лунный блик) и т. д. Такой метод внедрения арабской терминологии еще раз подтверждает ее привносность.

Наблюдения показали специфичность обрядов джамбульских дунган; отличительной чертой их является интересное совмещение первичных

[2] Иногда под этим навесом устраивается коровий хлев.

(до 1878 г.) черт обрядности и значительного узбекского, реже казахского, влияния. Это заставило нас заново записать всю основную обрядность, связанную с рождением и воспитанием ребенка, периодом его обучения, посвящения в число верующих данной мусульманской общины, свадебным и похоронным церемониалом. Даже в таком сравнительно широко освещенном в литературе круге обрядов, как «сватовство — свадьба», обнаружены совершенно новые для исследователя моменты: наличие особого персонажа — «пояснителя подарков» и др. В момент, когда невеста уже привезена в дом жениха и обозрению гостей доступны все виды подарков (включая приданое), по старинному обычаю, выступает из круга гостей пяохуади жень — «поясняющий». Точнее его роль можно было бы определить словом «ведущий». В его задачу входит не только «показать» подарки, но вообще произнести пролог к свадебному церемониалу. Его речь пересыпана напыщенными сравнениями, цитатами из забытых слушателями «мудрых изречений», остроумными, а иногда язвительными импровизациями. Начиная с призыва благословения Аллаха на всех собравшихся, он переходит к прославлению сватов, затем брачущихся семей, родителей, молодых и, наконец, к показу вещей. В последнем разделе его речи идет восхваление подарков «самого лучшего качества», изделий «лучших мастеров» из мест, издавна славящихся производством предметов этого типа: «сучжоуская помада», «ханьчжоуская пудра», «шерстяные ленты ташкентские», «чайник и пиалы сицзянские» (читай: цзянсийские).[3] Однако с течением времени значимость пояснителя подарков в обряде падает, вытесняемая узбекскими танцами, русским пением и т. п.

В свадебном обряде интересна сильная струя новых для дунганского свадебного церемониала элементов. На свадьбе, происходившей в декабре 1946 г., неоднократно исполнялись узбекские танцы, причем восхищенные танцем зрители осыпали исполнительницу деньгами. При перевозе невесты в дом жениха (точнее в дом, где была организована свадьба) вместо традиционной *сичэ* («повозки радости») была использована полуторатонная грузовая машина. Перед домом ее остановили, как того требует обычай, поставив поперек дороги осла. Воспользовавшись замешательством водителя и тем, что мотор был заглушен, один из родичей схватил заводную ручку, ставшую предметом своеобразной «байги».

При записи похоронного обряда была обнаружена единственная *фий чуанза* — кровать для омовения покойного. *Тапшяза* — носилки для переноски тела к могиле имеют здесь обычный вид полугроба; однако к ним прикрепляются четыре дужки, позволяющие накинуть покров, по узбекскому образцу, навесом, а также прикрепить к ним одежду покойного, ленты и туфли (если хоронят женщину) и т. д. Форма кладбища и процесс погребения обычны, но ниша могилы (*рахат*) отделена от самой ямы стенкой с одной аркой воротец (*кын-кынза*).

Из круга обрядности, связанной с рождением и воспитанием ребенка, сохранился в полной мере только *суйсур* («годок»), связанный с обрядом усыновления.

Из культовой обрядности я имел возможность с большой полнотой наблюдать пост (*ураза*) и круг обрядов, связанных с праздником Хайд-фитр: подготовку к нему, моления душам умерших, мужское моление на заре первого дня Хайда, посещение кладбища, повозрастное госте-

---

[3] Весьма интересно, что, широко пользуясь так называемым «кашгарским фарфором», дунгане не считают и не называют его кашгарским; это еще раз подтверждает, что он был лишь экспортной статьей китайских (цзянсийских), а позже русских (кузнецовских) предприятий.

вание. Особый интерес представило не отмеченное исследователями женское гостевание, занимающее, после трехдневного мужского гостевания, целый месяц.

Особое внимание было уделено мной рисунку и орнаментике дунган. С полной точностью можно установить наличие в Джалпак-тюбе двух стилей лубка. Местного стиля лубок, построенный на традиционных канонизированных элементах (типа *фынхуан ши модань* — феникс щиплет пион), примитивный по характеру рисунка и по подбору тонов, служит в основном декоративным целям. Иногда он является даже иллюстрацией к широко бытовавшим *да чюйза* (таков лубок *Цзянси да ху* — Цзянси бьет тигров). Вторая группа лубков совершенно иного стиля (ырдыкского), резко отличается по рисунку и по цветовой гамме и по своему назначению играет иную роль. Это лубок-оберег. Центральное место в нем занимает сокол. В китайском лубке сокол наделен «полномочиями» по уничтожению бесов. Эта роль его не осознается уже исполнителями, однако роль оберега лубок этого типа еще сохраняет. Зарисовки орнамента детских туфель, подушек, нагрудных украшений и т. п. показывают, что это «благожелательный» доисламского времени китайского типа орнамент: пожелание долголетия, счастья, богатства, многочисленного (мужского) потомства и т. д., значительно пополненный реалистически воспроизводимыми растительными мотивами.

Бо́льшая часть моих записей относится, естественно, к послеоктябрьской истории поселка и к социалистическому строительству дунган приджамбульской группы. В первой мировой войне ни на фронте, ни в тылу аулие-атинские дунгане не участвовали. Пассивными оставались они и в период киргизского восстания 1916 г. Первые проявления их политической активности относятся к 1919 г., когда более 40 мужчин среднего возраста вошли в состав дунганского кавалерийского полка революционных войсковых частей, стоявшего в районе г. Алма-Ата и принявшего участие в борьбе против белогвардейцев и кулацких мятежей. В годы борьбы с басмачеством именно дунганский отряд самообороны Джалпак-тюбе преградил путь разведчикам из местной банды Паяза. Не сумев поднять местное население на контрреволюционное восстание и видя готовность его к отпору, Паяз не решился идти на г. Аулие-Ата (ныне Джамбул). Благодаря сплоченности первых поселенцев и наличию навыков коллективных форм труда сразу же после Октябрьской Социалистической революции в поселке была создана на коллективных началах махорочная фабрика с коллективным использованием земель, отведенных под посадку табака. К 1925 г. население поселка увеличилось до 100 хозяйств. В 1926 г. образовались две сельскохозяйственные артели: в северной части поселка — артель «Хытмыр», в южной его части — артель «Октябрь». В период проведения коллективизации вдоль западной дороги в Киргизию расселились дунгане, выходцы из Кульджи (часть группы, осевшей в 1882—1883 гг. в с. Александровке близ г. Фрунзе), перешедшие из с. Санлак (3 км от г. Джамбул). Они образовали поселок «Вторая Дунгановка», территориально и организационно входящий в колхоз «Пулат-Кощи». В 1929 г. артели «Хытмыр» и «Октябрь» слились в колхоз «Октябрь», объединяющий все основное население с. Джалпак-тюбе. Незадолго до объединения их, в связи с ощутившимся недостатком земли, молодежь поселка выселилась в Киргизию (20—25 км от Джалпак-тюбе) и образовала поселок Мандалак, где вскоре был создан колхоз «Кзыл-Юлдуз».

Экономически все три колхоза были первоначально однотипны. Это были комплексные хозяйства с преобладанием зерновых культур. С конца 30-х годов наметилась специализация колхоза «Октябрь», где ведущей

стала культура сахарной свеклы, и колхоза «Кзыл-Юлдуз» с основной культурой — табаком. Приусадебные участки целиком отведены под огородные культуры и посадку табака. Как известно, дунгане — мастера высоких урожаев огородных культур. В выращивании табака они не имеют соперников во всей области. В культивации сахарной свеклы с ними соревнуется ряд соседних колхозов (казахских и многонациональных по составу).

Производственный подъем колхоза «Октябрь» относится к периоду Великой Отечественной войны. В 1943—1946 гг. этот колхоз удерживал первые в области места по урожайности всего комплекса культур. В борьбе

Комсомольско-молодежная бригада колхоза «Октябрь». В центре — Герой Социалистического Труда Кутумова и орденоносец Надя Лем, в первом ряду справа — Герой Социалистического Труда бригадир Исхак Сулейманов

за высокую урожайность сахарной свеклы ведущую роль в колхозе играет комсомол. Комсомольско-молодежная бригада, дающая по всем участкам среднюю урожайность 600 ц/га, включает двух Героев Социалистического Труда — бригадира Исхака Сулейманова и звеньевую Кутумову, а также награжденную орденом Ленина звеньевую Надю Лем. Их путь к достижению высоких урожаев одинаков. Так, Надя Лем, звеньевая, начав работать в 1942 г., уже через два года добилась урожая в 930 ц/га, а в 1947 г.— свыше 1000 ц/га .Благосостояние колхозников подкрепляется и наличием молочно-товарной фермы, овцеводческой фермы, конефермы. Мясопоставки выполняются колхозом за счет свинофермы, обслуживаемой корейцами. Колхоз, включающий значительное число корейских хозяйств, экспериментирует внедрение дальневосточных культур. Так, инспектор по качеству Гочжун Лем (отец Нади Лем) на своем участке с успехом выращивает чумизу, сою и др. По его данным, урожайность чумизы значительно выше урожайности кунака (местный вид проса).

В годы Великой Отечественной войны дунгане джамбульской группы помогали фронту не только упорным трудом, но и личными сбережениями. На постройку танковой колонны и эскадрильи ими собрано свыше 200 тыс. руб. На украинский и северокавказский фронты они отправили свыше 80 лошадей, брички, автомашину, пшеницу, овощи, теплые вещи (полушубки, валенки) и т. д. Для оборудования госпиталей было собрано много посуды. В колхозе восстанавливали здоровье 40 раненых бойцов и командиров Советской армии, которые при отъезде были обеспечены колхозниками всем необходимым. За эту помощь фронту колхозники «Октября» дважды получили благодарность товарища Сталина.

Колхоз «Октябрь» многонационален. Дунгане, корейцы, казахи, уйгуры, русские единой семьей строят новую жизнь.

С. П. РУСЯЙКИНА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА И ОРНАМЕНТ ТАДЖИКОВ ГАРМСКОЙ ОБЛАСТИ

Сбор материала по данной теме был начат еще летом 1946 г. при изучении северных районов области, расположенных по долине р. Сурхоб (в прошлом входивших в Каратегинское бекство), и частично Тавильдаринского района, расположенного в долине р. Хингоу (в прошлом составлявшего северную часть Дарвазского бекства).[1] В процессе сбора материала по северным районам области (Каратегину) часто приходилось слышать, что многие элементы костюма и орнамента занесены из южных районов (Дарваза); поэтому стала очевидной необходимость поездки в южные районы области, расположенные в долине р. Пяндж (б. центральные районы Дарвазского бекства), что и было осуществлено мною летом 1947 г., с дополнительным заездом в Ванджский район Горно-Бадахшанской автономной области, в прошлом также входивший в Дарвазское бекство.

По указанной теме удалось собрать опросный материал по костюму (мужскому и женскому), бытовавшему лет 50—70 назад, составить выкройки и заснять бытующие костюмы полностью и в деталях, выявить значение и название элементов орнамента на вышивках (главным образом на одежде) и чулках, а также установить основные кишлаки, население которых занималось и продолжает заниматься тем или иным видом домашних промыслов, связанных с изготовлением одежды (выделка хлопчатобумажной и шерстяной ткани, вышивка, изготовление орнаментированных чулок, шитье халатов, тюбетеек и пр.).

До свержения бухарского эмира (1920 г.) Дарваз, как и весь Горный Таджикистан (Восточная Бухара), был страной с преобладающим натуральным хозяйством, с развитыми домашними промыслами: в Южном Дарвазе, по Пянджу, где население из-за недостатка пахотной земли не было обеспечено своим хлебом (хлеб ввозили из богатых хлебом соседних районов не только нынешней Гармской, но и Кулябской области), оно вынуждено было заниматься больше, чем в других районах, домашними промыслами, обменивая на хлеб свои изделия, главным образом хлопчатобумажные ткани *карбос* и *алочу*, славящиеся своей добротностью по всему Горному Таджикистану. Тюбетейки, расшитые цветным шелком, с крупным орнаментом, которые и ныне в большом количестве вывозятся в соседние районы, кустарное сукно на халаты (*рагза*), деревянные галоши, вышивки на женские и девичьи рубашки, а также лицевые занавески (*рубанд*), о которых упоминают женщины старшего поколения Каратегина и Ванджа,— все это составляло предметы обмена на хлеб.

[1] См. мой отчет «Поездка в Таджикскую ССР», «Краткие сообщения Ин-та этнографии», IV, 1948.

Годы социалистической стройки внесли коренные изменения в экономику и культуру дарвазцев. Эти изменения нашли свое отражение и в материальной культуре, что легко проследить в такой ее области, как одежда. Любимой одеждой мужчин, особенно колхозного и советского актива, в Дарвазе, как и в Каратегине, являются гимнастерка и галифе или брюки на выпуск; головным убором служит неизменная тюбетейка. Что же касается национального мужского костюма, преобладающего среди основной массы колхозников и состоящего из рубахи, штанов и халата, то общие черты его мало чем отличаются от костюма колхозников Каратегина: тот же туникообразный покрой рубахи и халата, те же широкие штаны на вздержке, часто даже из того же материала, но с некоторыми локальными особенностями в деталях. Так, вертикальный разрез на левой стороне груди, обшитый черной или красной бейкой, встречающийся в Каратегине на рубашках подростков и детей обоего пола, является характерной для Дарваза особенностью рубахи взрослых мужчин и, по словам осведомительниц, бытует среди населения долины р. Пяндж с незапамятных времен. В прошлом ворот и боковой разрез рубахи юноши украшался неширокой вышивкой в 3—5 см, теперь вышивкой украшается только рубаха жениха; раньше рубаха делалась длинной, с широкими и длинными рукавами, теперь же довольно короткой, с рукавами, суживающимися к кисти (рис. 1). Этот вид рубахи мы встречаем у народов Памира, у туркмен; он бытует и в Афганистане. Такие же рубахи шились иногда и девушкам.

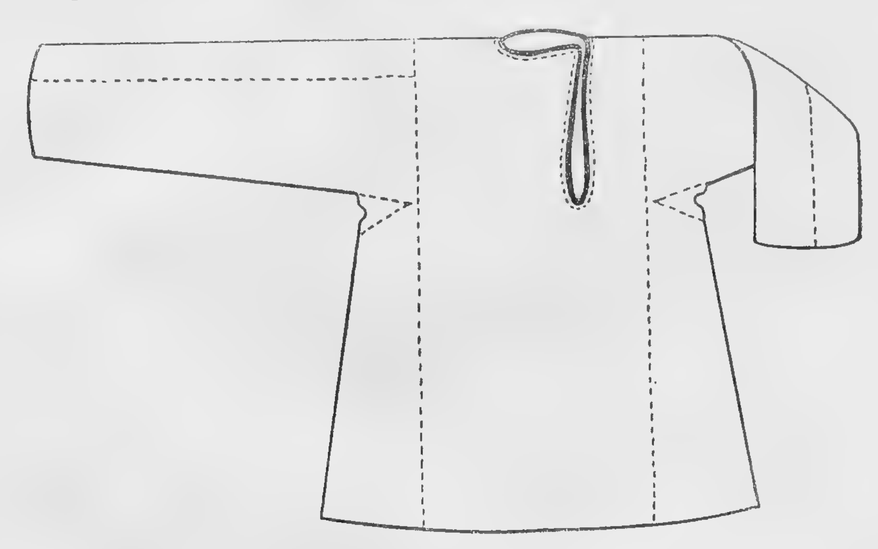

Рис. 1. Мужская рубаха

Гармская область, Дарваз

Второй особенностью мужского костюма, широко распространенной по верховьям р. Пяндж, является треугольный нагрудник, часто расшитый наверху у ворота; носится он обычно молодыми таджиками под легким халатом *яхтай* и символизирует нижнюю рубаху. Школьникам, как правило, шьются белые яхтай (рис. 2) из домотканной хлопчатобумажной материи, по выработке напоминающей вафельную ткань, называемую в долине Пянджа *сатранджи*. Ворот такого халата обычно украшается гео-

метрическим орнаментом, вышитым цветным шелком красных, зеленых, фиолетовых тонов. Иногда вышивка делается и на карманах.

Зимней одеждой, как и в Каратегине, служат халат и штаны из домотканного сукна *рагза*, но светлосерого цвета, тогда как в Каратегине преобладает темнокоричневый; цвет сукна зависит от естественной окраски шерсти.

Бытующая обувь ничем не отличается от каратегинской: те же мягкие сапоги, доходящие до колен,— *горук* или до икр — *мукки*. Первые носят преимущественно с чулками, вторые — с обмотками. Вязка чулок широко распространена по всему Южному Дарвазу. Содержание орнамента на чулках поражает своим разнообразием и, как показывают названия элемен-

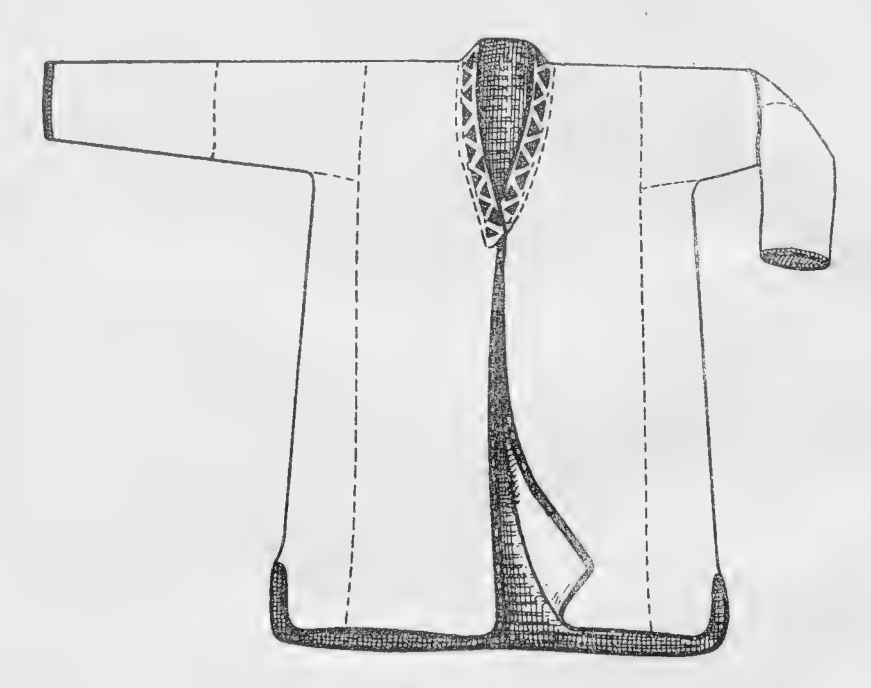

Рис. 2. Детский халат *яхтай*

Гармская область, Дарваз

тов орнамента, представляет собой воспроизведение частей тела, птиц, животных, пресмыкающихся, предметов домашнего обихода, цветов и т. д. (рис. 3). Очень часто один и тот же рисунок встречается в различных вариантах на вышивках, особенно на обшивке тюбетеек *зи*, и на чулках. Чулки расцениваются в зависимости не только от качества шерсти, но и от рисунка. Дарвазские чулки по качеству и орнаментировке ближе к чулкам припамирских народностей (Язгулема, Рушана, Шугнана) и довольно резко отличаются от чулок Каратегина.

В качестве головного убора в прошлом была распространена чалма, повидимому, заимствованная у бухарцев.

Что касается женского национального костюма, особенно рубахи, то она относится к общему среднеазиатскому типу и не отличается от женских рубах' распространенных в Каратегине. Туникообразная, довольно широкая, короткая у молодых, длинная у старух, рубаха делается с широкими длинными рукавами, с горизонтальным разрезом на девичьих рубахах и

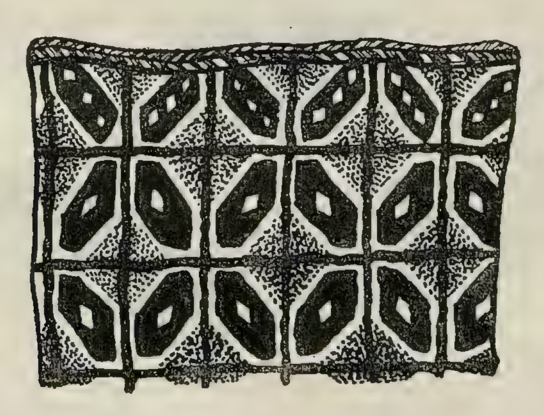

Рис. 3. Образцы орнамента таджикских шерстяных вязаных чулок
Гармская область, Дарваз

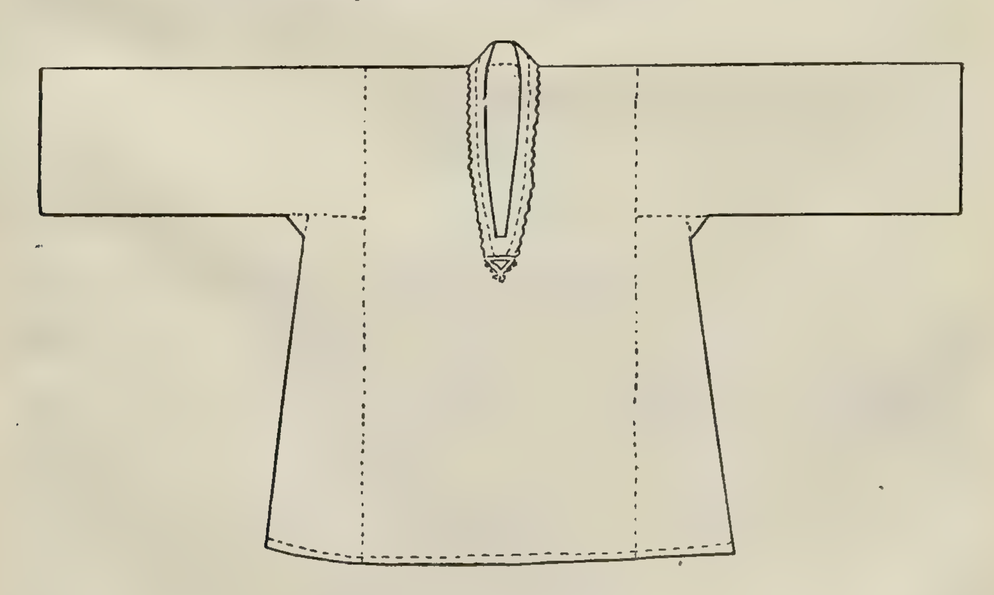

Рис. 4. Женская рубаха *курта*
Гармская область

вертикальным на женских (рис. 4). Однако, по словам женщин старшего поколения, до присоединения Дарваза к Бухаре (1877 г.) женщины носили длинные рубахи, широкие в подоле и сильно суженные в талии, что достигалось узостью центрального полотнища и большой косиной боковых клиньев. Рукава делались длинными, суживающимися книзу, так что кисть руки едва проходила. Рубаха, сшитая из белой домотканной хлопчатобумажной материи *карбос*, украшалась вышивкой, которая на девичьих рубахах располагалась на груди (рис. 5), а иногда и на спине, а на женских накладывалась по вертикальному разрезу. Пожилые женщины оплетали ворот тесьмой из шерстяной или бумажной черной нитки. Этот покрой и сейчас еще можно встретить в отдаленных районах (Нульванд) и в Горно-Бадахшанской автономной области.

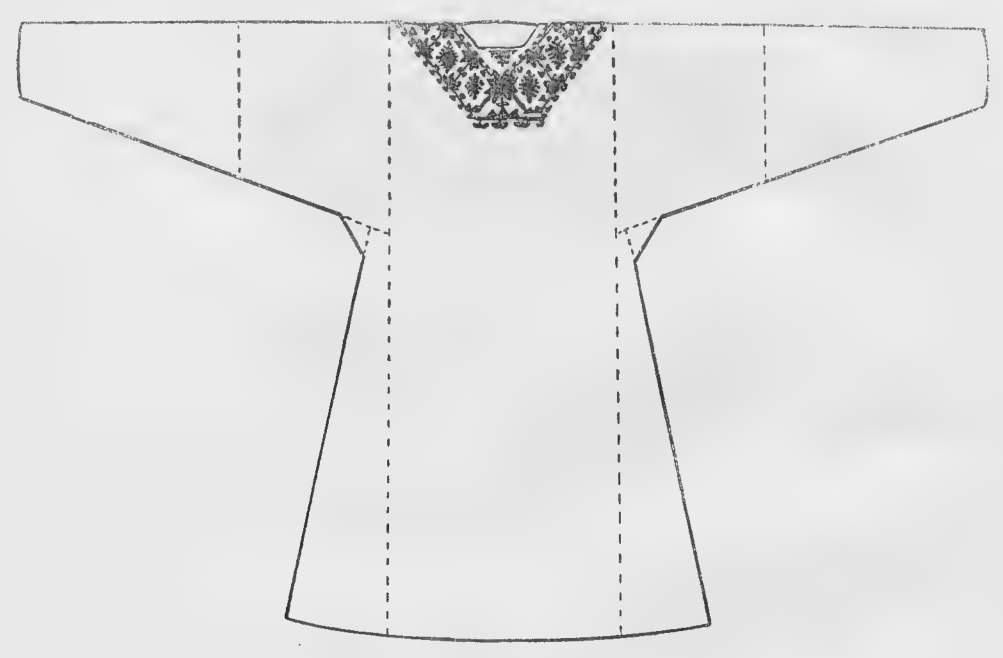

Рис. 5. Девичья рубаха
Гармская область, Нульванд

Бытующая в настоящее время рубаха с широкими рукавами заимствована из гарема бека, в котором были и женщины, вывезенные из Бухары. Из Бухары же чиновниками была занесена паранджа с черным *чашмбандом*, в прошлом носившаяся женщинами привилегированных классов. Основная же масса женского населения в торжественных случаях (во время свадьбы и т. д.) употребляла расшитый цветным шелком *рубанд* — лицевую занавеску. Интересно отметить название орнамента на лицевой занавеске — *гули оташ* (цветок огня), возможно, отражающее следы существования в этих районах огнепоклонства.

Верхней женской одеждой в районных центрах является камзол, занесенный из Узбекистана. В отдаленных сельских местностях носят стеганые или сшитые из домотканного сукна халаты, которые отличаются от мужских лишь тем, что делаются у́же.

Женские штаны, в отличие от носимых в Каратегине, в Дарвазе делаются очень длинными, поэтому они ложатся поперечными складками

на щиколотке. На голове носят *дока*—платок из марли, размером в полтора квадратных метра, или большие фабричные шелковые платки. Очень распространено ношение искусственных кос из шерстяных ниток, вплетающихся в волосы; девушки вплетают нитки красного цвета и обязательно спускают косы на грудь, женщины вплетают нитки черного цвета, а косы носят вдоль спины.

В мужском костюме изменения идут быстрее, нежели в женском. Женщины тщательнее берегут традиционный облик костюма; этому способствуют и местные пошивочные артели, которые при массовой пошивке женской одежды сохраняют ее национальные особенности.

Е. М. ПЕЩЕРЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

В 1947 г. я принимала участие в Согдийско-Таджикской археологической экспедиции, работы которой велись в Пенджекенте и прилегающих к нему районах. Моей основной задачей являлся сбор материалов, касающихся современного гончарного производства Самарканда и Пенджекента, а также ремесленных организаций, существовавших в городах Средней Азии в недавнем прошлом.

Изучение форм современной глиняной посуды указывает на то, что гончары твердо придерживаются местных традиций. Несмотря на то, что в XIX и начале XX в. в Самарканде постоянно работали ферганские гончары, характерные ферганские формы здесь совершенно не привились. Мною было обращено особое внимание на связь определенных форм сосудов с их хозяйственным назначением, что является крайне важным для понимания археологических предметов и выяснения картины народного хозяйства в прошлом. В этой связи были получены интересные добавления к собранным мною уже ранее материалам, касающимся пиалы — современной чашки для питья чая и некоторых других сосудов, еще раз подтверждающие установленный мною факт, что питье чая получило широкое распространение в Средней Азии лишь с появлением там русских. В манере пить чай сохранился ритуал питья вина, которое в широких размерах изготовлялось и употреблялось, несмотря на запреты ислама, в богатых виноградом местах Средней Азии.

Материалы, собранные по ремесленным организациям, дают интересную картину различного их состояния в прошлом в глухих провинциальных городках, как Пенджекент, и в больших городах, как Самарканд. В Пенджекенте работа гончаров велась в кровнородственной среде несколькими семьями. Главою их являлся старший в роде, а выборного главы цеха — *бобо*, или *аксакала*, совсем не было; не было и наемных мастеров, не владевших средствами производства. У самаркандских же гончаров имелись: выборный духовный глава цеха — *бобо*, посвящавший в мастера учеников, происходивших не из семей потомственных гончаров, и ведавший наемными мастерами — *хальфа*, а также *аксакал*, стоявший в цеховой иерархии ниже бобо; аксакал ведал делами цеха, связанными с базаром. В распоряжении бобо и аксакала находился *пайколь*, выбираемый из молодых энергичных членов цеха и выполнявший различные поручения, связанные с определением наемных мастеров в мастерские, улаживанием конфликтов между ними и владельцами мастерских, взысканием долгов и пр.

Положение наемных мастеров у гончаров Самарканда соответствовало положению их и в других цехах. У гончаров также практиковались

хотя и беспроцентные, но выгодные для владельцев мастерских долговые обязательства — *бунак.* Наемный мастер, взяв деньги в долг у хозяина мастерской, должен был отработать их. Уйти в другую мастерскую он мог только в том случае, если ее владелец «выкупал» его у хозяина, которому он задолжал. Задолжавшие мастера, чтобы выпутаться из долга, прибегали к «добровольному», как обычно говорят, затворничеству, налагая на себя *ман'и бозор* (запрет базара), т. е. обет не выходить на базар, а иногда даже и не покидать мастерской до тех пор, пока долг не будет уплачен; работали они при этом до позднего вечера, а иногда и ночами. В цехе к таким затворникам относились сочувственно; их навещали приятели, принося с собой фрукты или другое угощение. Освободившийся от долга мастер устраивал угощение, на которое приглашал владельца мастерской и двух-трех старших мастеров. Хозяин мастерской при этом иногда делал своему бывшему должнику небольшой подарок.

Официальным патроном гончаров считался Саид Амир Куляль, один из бухарских суфийских шейхов, но основные верования в цехе связаны были не с ним, а с культом мастеров-предков. Не только в захолустном Пенджекенте, но и в Самарканде, где среди ремесленников было много грамотных людей, гончары искажают имя Саид Амир Куляля, называя его Саид Амир Калон, превращая *куляль* (гончар) в *калон* (большой, великий). В силу того, что духи мастеров-предков считались покровителями ремесла, среди ремесленников было распространено убеждение, что каждый должен заниматься тем делом, которым занимались его отцы и деды, так как в противном случае «духи предков останутся без светильников» (*арвох бе чирог мемонат*), т. е. прервется культ предков и ремесло останется без покровителя. По этой же причине мастера, не имевшие мужского потомства, старались выдать дочерей за своих учеников, так как «зять являлся его сыном» (*домот псараш мешут*). Все входившие в одну ремесленную организацию считались как бы родственниками, имеющими общих предков-мастеров.

Почитание духов-покровителей ремесла было связано с мастерской, которую называли *пирхона* — обиталище пиров (старцев-покровителей). Мастерскую предписывалось содержать в чистоте как в прямом, так и в ритуальном смысле. Особо почитаемым местом в мастерской были станок и гончарная печь. Вечерами по четвергам (время и день, посвященные духам предков) на гончарный станок и у топочного отверстия печи ставились зажженные светильники, посвященные духам предков. Не только сами ремесленники, но и прочие горожане были твердо убеждены, что, находясь в мастерской, можно нечаянно вызвать гнев ее духов, могущих наслать на провинившегося болезнь, «ударить» его. В таких случаях заболевший посылал в мастерскую курения (*буй*). Посылались блины, испеченные на растительном масле, или сладкий кисель из пшеничной муки с маслом — ритуальные кушанья, связанные с поминовением умерших, а также светильники — палочки, концы которых обмотаны ватой, обмокнутой в масло, на котором готовились эти кушанья. Присланную пищу съедали гончары, угощая ею всех присутствующих в мастерской, а светильники владелец мастерской зажигал перед печью.

При открытии новой мастерской владелец ее приносил кровавую жертву. Обычно резали барана, втаскивая его наверх печи, чтобы кровь его стекала по стенкам. Из мяса барана готовили еду и угощали собравшихся членов цеха. В дальнейшем в мастерской устраивалось такое же жертвенное угощение ежегодно; кроме того, баранов резали в качестве умилостивительной жертвы духам мастерской в случае особенно неудачных обжигов.

В прежнее время люди, страдавшие болями в спине и ногах, а также бесплодные женщины приходили к гончарам и садились в полуостывшую гончарную печь, после того как из нее была выгружена посуда; они приносили в качестве жертвы блины, пшеничный кисель и светильники. Это было лечение теплом, хотя ищущие исцеления приписывали лечебную силу не самому теплу, а воздействию пира, пребывающего в гончарной печи.

Цеховые собрания гончаров, как и других ремесленников в Пенджекенте и Самарканде, носили название «духи старцев» (*арвохи пир*). Они устраивались обычно на мазарах. В Самарканде их часто устраивали в саду Гури Мира, усыпальницы Тимура и тимуридов, где имеется также могила, в которой, по легенде, распространенной среди гончаров Самарканда и Шахрисябза, похоронен Саид Умар, один из сыновей Саид Амир Куляля. В Пенджекенте цеховые собрания гончаров устраивались на двух мазарах, связанных с источниками. Один из них, называемый «Отец кипящий» (*кайнар ато*), особенно интересен, так как около него находится место, где происходили сборища и гулянья, связанные с домусульманскими праздниками весеннего равноденствия и красной розы (*гулисурх*).

Таковы собранные мною данные по цеховым организациям Самарканда и Пенджекента, касающиеся их недавнего прошлого.

В первые годы после Октябрьской социалистической революции цеховые организации продолжали свое существование; устраивались цеховые собрания и производились посвящения в мастера. В дальнейшем, после организации артелей, в корне изменились условия труда ремесленников, и цеховые порядки исчезли. В качестве пережитков (и то лишь среди мастеров старшего поколения) сохраняются до наших дней верования, связанные с почитанием духов предков и выражающиеся в почтительном отношении к мастерской и устройстве жертвенных угощений, хотя в гораздо более скромных размерах и не так регулярно, как это было прежде.

О. А. КОРБЕ

ПРОГРАММА ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСКОГО КОЛХОЗНОГО АУЛА

Предлагаемая программа отличается от ранее опубликованных тем, что основное внимание исследователя фиксируется на изучении процессов, возникающих и развивающихся в связи с победой социализма в нашей стране и с дальнейшим успешным продвижением к коммунизму. Поэтому при сборе материалов явления прошлого должны занимать второстепенное место, и изучать их в плане данной программы надлежит постольку, поскольку без этого не могут быть выявлены происходящие изменения и останутся непонятными многие явления современности. В связи с этим необходимо предостеречь полевого работника от увлечения сбором материала по исторической части программы, чтобы не превратить это в самостоятельное исследование, ибо назначение этой части — служить введением, дать предпосылки для изучения современности, для сравнения того, что мы имеем теперь, с тем, что было раньше. Это касается не только раздела «Сведения из истории района», но и всех отступлений в прошлое, встречающихся в других разделах.

Вместе с тем полевой работник, реализующий данную программу, должен строго придерживаться конкретно-исторического метода при фиксации изучаемых явлений. В каждом конкретном случае надлежит точно выяснить, представляет ли данное явление результат социалистической перестройки культуры и быта населения данного района или это уходящий пережиток прошлого; насколько прочно этот пережиток еще держится в сознании людей и как идет процесс его изживания; было ли широко распространено данное явление или оно бытовало в узком, ограниченном кругу; к какому времени относится его широкое бытование — к недавнему прошлому, исчисляемому годами[1], или к дореволюционному времени и к каким примерно годам. Центр своего внимания исследователь должен устремить на фиксацию новых явлений, прослеживая тенденцию их развития и их взаимосвязь с другими окружающими явлениями.

Наряду с фиксацией явлений колхозной жизни, показывающих рост и укрепление колхоза, а следовательно рост культуры колхозников,

---

[1] Необходимо помнить при этом, что важнейшим историческим рубежом в данной теме является период коллективизации, представляющий собой «глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года» (История ВКП(б), Краткий курс, стр. 29).

необходимо уделять особое внимание изучению специфических особенностей, определяемых этническими традициями населения (как, например, отгонно-пастбищное скотоводство). Центром же внимания исследователя должны быть люди — рост их культуры, перестройка их быта, общественных и семейных отношений в результате победы колхозного строя. Поэтому при показе, например, механизации сельского хозяйства для наших целей имеют значение не столько сведения о степени распространенности тракторов или комбайнов в данной местности, сколько фиксация отношения колхозников к механизации, влияния ее на их культурный рост, на новые возникшие между ними в процессе работы отношения товарищеской солидарности и взаимопомощи в труде. Последнее особенно важно при фиксации производственных и общественных взаимоотношений между мужской и женской частью населения колхоза.

Методика сбора материала по данной программе не отличается от обычно принятой в этнографической полевой работе. Основными методами являются личное наблюдение и опрос. По разделам, касающимся непосредственно колхоза, помимо его правления, большую помощь могут оказать районные организации, где можно получить статистические сведения о состоянии колхоза и динамике его развития, карту района с обозначением на ней расположения колхоза, план самого колхоза и т. д. Эти сведения надо дополнить путем личного наблюдения, а также путем расспросов членов колхоза, в особенности его активистов и лиц, помнящих историю его организации. Материал, касающийся исторической части, собирается путем опроса главным образом стариков из числа тех, которые до коллективизации принадлежали к наименее обеспеченным слоям населения, а также молодежи, помнящей рассказы стариков. Все сведения, полученные таким образом, должны неоднократно проверяться путем перекрестного опроса, а также путем сопоставления с имеющимися литературными данными.

Что касается производственного и семейного быта колхозников, то здесь основным методом исследования должно быть длительное личное наблюдение, и к опросу следует прибегать лишь как к вспомогательному способу собирания материала. Необходимо поэтому рекомендовать длительное стационарное пребывание в одном и том же месте и детальное изучение быта большого числа семей колхозников различного производственно-общественного положения и различного культурного уровня: колхозных активистов и колхозной интеллигенции, рядовых колхозников (в том числе особо участников Великой Отечественной войны); семьи, во главе которых стоят женщины; семьи, материально более и менее обеспеченные, более и менее культурные; семьи, до коллективизации принадлежавшие к различным социально-экономическим прослойкам, и т. д. При изучении личного хозяйства колхозника необходимо обратить внимание на выяснение соотношения между личным и общественным хозяйством, сочетания личных и общественных интересов. Изучение жилища следует вести в тесной связи с изучением семейных отношений, выявляя все то новое, что вносится изменениями в организации хозяйства, новыми возможностями в строительном деле, изменениями в семейном быту, которые в свою очередь в значительной мере являются следствием изменений в производственном и общественном положении отдельных членов семьи (в особенности женщин и молодежи). Интересные данные в этом отношении можно получить при обследовании приходно-расходного бюджета семьи и отдельных ее членов; оттуда же можно почерпнуть сведения об удовлетворении личных потребностей колхозников и, следовательно. о росте их культурных запросов.

При сборе материалов по жилищу, усадьбе, хозяйственным строениям следует охватить обследованием возможно большее число объектов, с тем чтобы выявить, что́ типично для данного колхоза или района. Необходимо проводить тщательные обмеры и составлять планы каждого строения и их взаимного расположения, зарисовывать внешний и внутренний вид построек и находящиеся внутри них предметы, тщательно описывать их и записывать связанную с ними терминологию. Как на жилище, так и на одежде надлежит проследить процесс перехода от старых форм к новым, выявить, какие из старых форм становятся пережиточными и какие, напротив, живучи, что́ типично для близкого прошлого, для настоящего, что́ имеет тенденцию к развитию в будущем. При изучении одежды, помимо подробного описания всех элементов и частей всех конкретных видов одежды, необходимо сделать детальные зарисовки (по возможности в красках), сфотографировать одежду целиком и отдельные ее детали, составить чертежи покроя каждого вида и элемента одежды, записать соответствующую терминологию. Очень важно проследить процесс выработки новых типов национальной одежды, стирания локальных различий, вытеснения традиционной одежды, связанной с натуральным хозяйством, и т. д. При сборе сведений, касающихся скотоводства и молочного хозяйства, охоты и ремесел, следует тщательно записывать местные термины, относящиеся к этим видам деятельности, а также производить фотосъемку и зарисовку специфических орудий и процессов труда. Это особенно относится к разделу о кустарных промыслах и ремеслах, где требуется подробное описание (по возможности с обмерами), детальная зарисовка и фотографирование последовательно всех приемов производства, употребляемых орудий, получаемой продукции, а также запись связанной с этими производствами терминологии. Следует также давать детальное описание жизни и деятельности выдающихся мастеров-кустарей, уделяя внимание их работе по передаче другим своего опыта и умения.

При изучении пищи надо различать пищу повседневную и праздничную, отличать, что умеют готовить, от того, что фактически готовят и чем питаются, и на этом последнем сосредоточить внимание. При изучении семейных отношений надо главное внимание обратить на изживание старых, принижающих достоинство человека обычаев и на внедрение новых отношений, связанных с коренными изменениями в области производственной и общественной жизни людей. Особенно это касается изменений в положении женщины, происшедших за годы советской власти.

При собирании материалов по всем разделам программы надлежит уделять особое внимание выявлению руководящей, организующей и направляющей роли коммунистической партии во всех областях производственной, общественной и культурной жизни колхоза и колхозников. Необходимо также уделить внимание выявлению влияния передовой русской культуры и братской помощи русского народа во всех областях жизни местного населения.

Предлагаемая программа составлена применительно к специфике казахского колхозного аула. При использовании ее в полевой этнографической работе по колхозам других народов СССР необходимо внести соответствующие изменения.

Краткая географическая характеристика района: рельеф местности, водные ресурсы, природные богатства, климатические условия. Национальный состав населения. Удаленность от городских центров и железной дороги.

Сведения из истории района. Административное устройство в предреволюционный период. Какому жузу принадлежала данная территория. Родовое деление и расселение родов.

Социально-экономические отношения. Удельный вес скотоводства и земледелия в хозяйстве населения. Виды скота. Распределение скота по социальным группам. Организация скотоводческого хозяйства. Кочевание и оседлость. Кочевой цикл. Организация перекочевок. Кто вел скот. Кочевые пути. Распределение пастбищ и водопоев между родами. Борьба за землю и воду. Оседлое поселение. Время появления здесь земледелия. Чем оно было вызвано. Орудия обработки земли. Основные культуры. Распределение воды и техника орошения. Распределение мужского и женского труда в дореволюционном скотоводческом и земледельческом хозяйстве.

Классовая дифференциация населения. Кто персонально владел землей и основной массой скота. Положение бедноты; эксплоатация ее байством. Налоговый гнет. Использование баями пережитков родовых отношений в целях эксплоатации («саун» и пр.). Межродовая борьба.

Краткие сведения об участии населения в восстании 1916 г., в Великой Октябрьской социалистической революции, в организации советской власти. Специфические формы советской работы (кочевые красные юрты и др.). Классовая и межродовая борьба в этот период. Конфискация имущества баев-полуфеодалов. Борьба за коллективизацию. Переход кочевников на оседлость. Отражение пережитков родовых отношений в первые годы колхозного строительства в Казахстане.

История организации колхоза. Как происходило объединение в колхоз. Первоначальная форма объединения. Состав колхоза при его организации. Число объединенных хозяйств. К каким родам они принадлежали. Каково было хозяйство колхоза (количество земли, скота, инвентаря и т. д.).

Общая характеристика колхоза. Численность населения в колхозе. Национальный, половой и возрастной состав. Следы родового деления. Число объединенных хозяйств (в динамике). Число женщин — членов колхоза. Площадь, занимаемая колхозом; ее деление по основным отраслям хозяйства.

В каком ауле находится колхоз. Объединяет ли он население нескольких аулов или, наоборот, в данном ауле имеются и другие колхозы. Находится ли на территории колхоза аулсовет; если нет, то где и на каком расстоянии от колхоза он расположен. В состав какого района входит аул, в котором находится данный колхоз; расстояние до районного центра, до железнодорожной станции, до ближайшего базара.

Хозяйственный рост колхоза. Рост посевной площади и урожайности полей (общий и по отдельным культурам). Рост поголовья скота. Рост доходов колхоза, его неделимого фонда и пр. Рост стоимости трудодня и доходов колхозников.

Полеводство. Основные культуры — зерновые и технические. Введение новых культур (свекла, рис и др.). Орудия обработки земли — механизированные и немеханизированные; использование старых орудий при полевых работах и чем это объясняется. МТС и их организационно-техническая роль в развитии и укреплении данного колхоза. Агротехника. Отношение колхозного населения к машинам и новой агротехнике. Применяется ли искусственное орошение, посадка полезащитных полос. Борьба за высокие урожаи. Уборка урожая и его хранение. Какие имеются мельницы — механические и ручные. Бахчеводство, огородничество и садоводство.

Животноводство. Основные виды скота и численность колхозного стада. Уход за скотом. Ветеринарное обслуживание. Зимнее содержание скота. Заготовка кормов. Сенокошение и травосеяние; с какого времени их начали применять. Колхозные фермы. Механизация производственных процессов в животноводстве.

Система ведения отгонно-пастбищного животноводства и сезонный выпас скота. Расположение, размеры и отдаленность пастбищ от аула. Маршруты и длительность перегонов скота. Время отгона и возвращения. Приметы, поверья, обычаи, связанные с отправкой скота, его пребыванием на жайляу и возвращением в аул. Кто руководит перегоном и выпасом.

Состав пастушеских бригад; их обслуживание. Уход за молодняком на пастбище. Биографии лучших чабанов.

Обработка и хранение молочных продуктов (подробное описание способов приготовления и посуды, с зарисовками и записью терминологии).

Охота. Виды и орудия охоты (ружейная, с охотничьими снарядами, с собаками, с ловчими птицами). Виды животных и птиц, являющихся предметом охоты. Одежда и снаряжение охотников. Охотничьи угодья. Кому они принадлежали раньше (родовые угодья). Организация труда в охотничьих бригадах и его оплата. Приметы, поверья, обычаи, связанные с охотой. Терминология.

Кустарные промыслы и ремесла. Современное состояние всех видов ремесла. Обработка шерсти. Изготовление войлока и войлочных изделий. Ковроделие. Прядение и ткачество. Различные виды тканей и их назначение. Орнаментика тканей. Способы крашения. Краски растительные и химические; способы получения растительных красок. Изделия из кожи, рога и кости. Обработка дерева и металла. Кузнечное ремесло. Место и значение ремесел в колхозном хозяйстве.

Организация мужского и женского труда в кустарных промыслах. Связь с промысловыми артелями.

Колхозный поселок. Его расположение, протяженность, планировка (обмеры и фотографии). Благоустройство поселка: озеленение, снабжение водой и пр. Когда началось и развернулось строительство поселка. Следы родового расселения в прошлом. Колхозные строения: хозяйственные постройки (подробное описание колхозного двора), здание правления, школы, клуба, медицинский и ветеринарный пункты, баня. Новая техника строительства и новое архитектурное оформление общественных зданий.

Пути сообщения и средства передвижения. Основные виды транспорта до революции и в настоящее время. Состояние дорог; на ком лежала обязанность следить за их исправностью. Использование в настоящее время немеханизированного транспорта — конного, вьючного. Сбруя, седла, приспособления для переноски тяжестей (подробное описание, фотосъемка, зарисовки). Терминология.

Почтовая, телеграфная и телефонная связь. Радиофикация колхоза и домов колхозников. Почтовая переписка колхозников.

Организация труда в колхозе. Численность бригад, звеньев. Их состав по полу, возрасту, семейной принадлежности. Организация труда в полеводческих и пастушеских бригадах. Распределение мужского и женского труда в полеводстве и скотоводстве. Возрастание роли женщин в колхозном хозяйстве. Рост производительности труда в колхозе.

Социалистическое соревнование и стахановское движение и роль

их в выработке социалистического сознания. Биографии лучших стахановцев — героев труда.

Правление колхоза. Его состав (по полу, возрасту, национальности, партийности). Колхозный актив. Общественная роль женщин и молодежи.

Партийная организация колхоза. Ее численный рост и состав. Ее роль в производственной и общественной жизни колхоза. Женщины-коммунистки. Идейно-воспитательная работа среди коммунистов и беспартийных.

Комсомольская организация. Охват колхозной молодежи, в частности девушек. Работа комсомольцев.

Личное хозяйство колхозников. Размеры приусадебных участков. Зерновые, огородные культуры. Приемы и орудия обработки земли и ухода за посевами. Виды и количество скота, находящегося в личном пользовании колхозников (по отдельным семьям). Принадлежность скота отдельным членам семьи. Организация стойлового содержания и летнего выпаса скота. Птицеводство. Распределение мужского и женского труда в личном хозяйстве колхозников. Отношение колхозников к личному и общественному хозяйству.

Жилище — современное и сохранившееся старое; переходные формы. Время появления и распространения оседлых жилищ и различных форм жилых строений. Как отразился на типе жилищ переход к оседлости. Влияние культуры русского и других окружающих народов на тип жилища. Подробное описание (с фотографированием и зарисовками) наиболее распространенных, типичных для данного колхоза жилых строений.

Кто персонально является строителями; мастера наемные, местные, их национальность.

Строительный материал; его изготовление. Строительная техника — новая и старая. Устройство фундамента, кладка стен, возведение крыши. Наружные украшения дома.

Приметы, поверья, обряды, связанные с постройкой дома, бытовавшие в прошлом и сохраняющиеся по настоящее время.

Планировка дома и его внутреннее устройство (подробное описание, планы, разрезы). Размеры дома и отдельных его частей. Назначение различных частей дома, вызываемое семейными отношениями; изменения в этой области, связанные с изменениями в семейном быту.

Количество и расположение окон, дверей. Устройство пола, потолка. Расположение и устройство печи, очага. Освещение дома. Отопительный и осветительный материалы. (Подробно записать названия всех частей дома и терминологию, связанную со строительной техникой.)

Расположение дома в отношении улицы, соседних домов, стран света. Подробное описание и план усадьбы. Устройство и назначение хозяйственных построек. Имеется ли сад.

Подробное описание юрты (в целом и всех ее частей, с зарисовками и записью терминологии). Использование юрты в настоящее время. Какие части юрты перешли в оседлый дом.

Внутреннее убранство дома и домашняя утварь. Описание имеющейся мебели. С какого времени появился и получил распространение тот или иной предмет меблировки. Что изготовляется местными жителями и что приобретается через торговую сеть. Где хранятся домашние вещи и продукты (есть ли кладовые). Убранство постели. Как размещаются на ночь члены семьи и на чем спят. На чем едят. Как размещаются во время еды. Имеется ли «почетное место» в доме.

Украшения внутри дома: роспись, резьба, ковры, кошмы, вышивки — казахские и заимствованные от русских и других народов.

П о с у д а. Употребляется ли, кроме привозной, посуда местного изготовления — глиняная, деревянная, кожаная. Изготовляется ли в настоящее время или сохраняются лишь остатки прежней. (Подробно описать и зарисовать все виды посуды местного изготовления и их названия.)

О д е ж д а. Подробное описание всех частей современной мужской, женской, девичьей и детской одежды. Различные виды одежды: домашняя, рабочая, выходная, праздничная. Одежда нательная, нижняя и верхняя, зимняя и летняя. Белье. Профессиональная одежда (пастухов, охотников и т. д.). Обрядовая одежда — свадебная, похоронная. Старинная мужская и женская одежда, еще бытующая или хранящаяся в семье. В чем выражались социальные различия в старинной одежде. Стирание возрастных различий в одежде.

Локальные отличия в одежде и их стирание. Распространенность одежды городского типа (отметить начало ее распространения). Сохраняющиеся элементы национальной одежды. Выработка нового, смешанного типа.

Покрой отдельных видов и частей одежды. Кто шьет одежду. Материал, идущий на ее изготовление. Излюбленные цвета и виды материала.

Обувь — мужская, женская, детская; зимняя, летняя и т. д. Изготовление местных видов обуви.

Головные уборы — мужские, женские, девичьи, детские (современные; сохранившиеся старинные; переходные формы).

Украшения нательные, на одежде, на головных уборах.

Косметика и личная гигиена. Умывание, купанье взрослых и детей. Обрядовые омовения. Стирка белья. Уход за волосами; прическа — женская, девичья.

П и щ а. Основные виды пищи (мясная, молочная, растительная) в дореволюционном быту и в настоящее время. Изменения, внесенные в питание в связи с хозяйственным развитием (употребление овощей, фруктов) и изменениями в быту. Введение и распространение новых кушаний. Режим питания прежде и теперь. Способы приготовления пищи. Где и кем из членов семьи она приготовляется. Что умеют готовить и что обычно едят. Излюбленные кушанья (в том числе у охотников, пастухов и др.). Сохраняются ли запреты в отношении каких-либо животных или частей туши. Имеются ли почетные куски. Праздничные и обрядовые кушанья (на свадьбах, похоронах, поминках и т. д.). Заготовка продуктов впрок.

Напитки. Их приготовление и употребление. Изготовление кумыса.

Организация о б щ е с т в е н н о г о п и т а н и я (в частности, на полевых станах).

Б р а к и с е м ь я. Добрачные отношения молодежи. Выбор жениха и невесты и заключение сговора. Предпочитают ли брать невесту из своего аула, из своего рода или это не имеет значения. Можно ли вступать в брак родственникам (по отцу, по матери). Сравнительная таблица браков старшего поколения и современных. Возраст брачущихся. Участие старших родственников и колхозной общественности в сговоре и заключении браков. Изживание старых обычаев в области брачных и семейных отношений — различных запретов, сговора малолетних детей, уплаты калыма (может быть, в виде подарков родным невесты), обычая умыкания, левирата, сорората и пр. Как заключается брак в случае несогласия родителей. Когда регистрируется брак в Загсе (до или после свадьбы). В чем заключается приданое невесты и кто дает его. Составляет ли приданое личное имущество женщины после выхода ее замуж или поступает в соб

ственность семьи. Кто несет расходы по устройству свадьбы. Подробное описание современной свадьбы (начиная со сговора). Сохранившиеся старые свадебные обычаи. Место поселения и хозяйствования молодоженов. Смешанные браки (между людьми различной национальности). Как в таких случаях совершается брачный обряд. Отношение родных к невестке (затю) другой национальности.

Численность и состав семьи. Кто является главой семьи; его права и обязанности. Права и обязанности отдельных членов семьи (в частности, женщин и молодежи). Кто распределяет домашнюю работу. Распорядок дня в колхозной семье. Сохраняются ли пережитки большой семьи, старая терминология родства. Как отражаются родственные отношения на колхозном производстве (например, организация звеньев по семейному принципу). Положение женщины в семье. Ее взаимоотношения с мужем и его родными; изменения, вносимые ростом производственной и общественной значимости женщины.

Приходный и расходный бюджет колхозной семьи; его источники; денежное и натуральное выражение. Имущественные отношения внутри семьи. Общая и личная собственность членов семьи (в частности, поступают ли заработки отдельных членов семьи в общее распоряжение всей семьи). Имущественное положение женщины (до революции и в настоящее время). Порядок наследования. Как распределяется имущество после смерти главы семьи.

Рождение ребенка. Обычаи, связанные с его рождением, уходом за ним и воспитанием. Обращение к медицинской помощи при родах и уходе за ребенком. Отношение родителей и родственников к детям (мальчикам и девочкам). Власть родителей (отца, матери) над детьми. Меры наказания и поощрения. Многодетность.

Детские дошкольные учреждения (ясли и сады); охват ими детей. Игры детей. Детские рисунки; отражение в них нового быта и общественной жизни. Трудовое воспитание детей.

Обычаи и обряды, сопровождающие смерть членов семьи. Современный похоронный обряд. Поминовение умершего.

Культурный рост колхоза и колхозников. Грамотность населения до революции и в настоящее время (отдельно мужчин, женщин, старшего поколения). Знание русского языка. Охват детей школой, ее посещаемость. Все ли девочки посещают школу и до какого класса. С какого возраста начинают ходить в школу (мальчики, девочки). Далеко ли находится школа и как туда добираются дети. Язык преподавания в школе. Отношение к школе и учителям со стороны детей и родителей. Создаются ли в семье надлежащие условия для учебы школьников. Роль школы в воспитании в детях трудовых и общественных навыков и материалистического мировоззрения. Помощь детей в работе колхоза. Влияние школы на быт колхозников.

Учеба взрослых. Посещаемость школ колхозной молодежи. Работа по ликвидации неграмотности. Члены семьи колхозников — учащиеся в техникумах, вузах. Выходцы из колхоза в рядах интеллигенции (педагоги, инженеры, врачи, писатели и т. д.).

Колхозная интеллигенция. Распространенность в колхозе и в колхозных семьях газет, книг (на казахском языке и переводных). Популярность произведений русских и других писателей.

Формы культработы в колхозе (в частности, на полевых станах и на жайляу). Клуб. Изба-читальня. Обслуживание колхоза кинопередвижками и выездными театральными коллективами. Самодеятельные спектакли.

Медицинская помощь населению; ее популярность. Изживание знахарства и обычаев, мешающих внедрению санитарии и медицины. Народная медицина и ветеринария. Способы лечения различных болезней. Изготовление лекарств, употребление лечебных трав и других народных средств.

Народный календарь. Связь его с солнечным и лунным годом. Старинное времяисчисление, названия месяцев. Метеорологические познания. Определение сроков сельскохозяйственных работ по народным приметам. Календарная обрядность. Народные меры длины, веса, прием счета, способы определения времени.

Фольклор и музыка в колхозе. Любимые произведения. Музыкальные инструменты. Современная тематика в фольклорных произведениях. Популярность советских песен. Колхозная художественная самодеятельность. Есть ли местные акыны; их репертуар. Женщины-акыны. Жанры и образцы местного фольклора. Отражение в нем Великой Отечественной войны и других исторических событий.

Игры и развлечения. Спорт. Колхозные праздники. Превращение религиозных праздников в народные. Описание байги и других народных развлечений.

Изобразительное искусство и художественные ремесла. Есть ли местные художники. Украшение жилища, одежды и т. д. Художественная резьба и роспись по дереву, чеканка по металлу, тиснение по коже, вышивание, апликация и другие виды художественных ремесел. Художественная обработка металлов (серебра и др.), чеканка, отлив. На каких предметах встречаются эти изделия. Рецепты изготовления сплавов. Подробное описание и зарисовка всего инструментария с фотосъемкой процессов работы и записью терминологии по всем видам художественных ремесел. Орнаментика; семантика орнамента; образцы орнаментов (рисунки, фотографии, подробное описание). Передача мастерами навыков их работы. Биографии лучших мастеров.

Изживание религиозных представлений. Выработка нового мировоззрения. Религиозная принадлежность населения. Пережитки доисламских верований. Отношение колхозников к религии. Изживание религиозных верований, влияния духовенства и знахарей. Отрыв народных обрядов от религии. Развитие материалистического мировоззрения. Как ведется работа в этой области.

Общественные отношения. Смена сознания родовой принадлежности сознанием принадлежности к колхозу, к своему народу, ко всему Советскому Союзу; развитие национального самосознания. Межнациональные отношения. В какой мере сохраняется сознание принадлежности к роду, к жузу, права и обязанности по отношению к роду и сородичам. Как относятся к колхозникам из другого рода.

Взаимоотношения старших и младших. Выработка нового отношения к женщинам, к товарищам по работе, к коллективному труду, к социалистической собственности. Сочетание личных и общественных интересов. Помощь нетрудоспособным.

Отношение к антиобщественным поступкам. Развитие социалистического правосознания. Сохраняющиеся нормы обычного права и их соотношение с нормами советского законодательства.

Участие колхозников в общественной жизни. Колхозные собрания. Как рассаживаются на собраниях (женщины отдельно или вперемежку с мужчинами). Выступления женщин на собраниях и отношение к ним мужчин. Работа членов колхоза в выборных органах колхоза, района, республики, всего Союза (отдельно женщин и молодежи).

Советский патриотизм. Участие колхозников и членов их семей в Великой Отечественной войне (на фронте и в тылу). Влияние ее на выработку социалистического сознания. Роль вернувшихся из армии в производственной и общественной жизни колхоза. Колхозники — герои социалистического труда и награжденные. Биографии лучших людей колхоза.

Роль партии в утверждении материалистического мировоззрения и новых общественных отношений.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ И ДИССЕРТАЦИЙ

П. И. КУШНЕР (КНЫШЕВ)

ЭТНИЧЕСКАЯ ГРАНИЦА И ЭТНИЧЕСКАЯ (ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ) ТЕРРИТОРИЯ

(Методы исследования) [1]

Термины «этническая граница» и «этническая (этнографическая) территория» так часто применяются в настоящее время, что стали как бы ходовыми понятиями; между тем содержание этих терминов недостаточно точно определено и допускает различные толкования. В наибольшей степени это выяснилось во время обсуждения проектов мирных договоров стран-победительниц с бывшими сателлитами Германии, когда понятие этнической границы вызвало длительные споры между союзниками при применении его к конкретным территориям. Споры эти шли главным образом о том, каким путем следует устанавливать этнический состав населения на спорных территориях и что важнее при определении этнической принадлежности территории — заселенность ее в настоящее время определенным народом или так называемые исторические права другого народа на эту территорию.

Вопрос об этнических или этнографических территориях и исторических правах на них имеет более чем тридцатилетнюю давность. Он возник, когда малые европейские народы после первой мировой войны стали требовать для себя права на самоопределение. В результате этих требований Парижская конференция 1919 г. принуждена была заняться этнотерриториальными вопросами и обсудить проекты новых европейских границ в соответствии с этническим характером отдельных территорий. В качестве материалов (правда, почти неиспользованных) при решении этих вопросов привлекались специально разработанные этнографические карты, на которых этнографической территорией того или другого народа считалось то географическое пространство, на котором этот народ составлял большинство населения. Так как при этом не учитывалось, каким путем образовалось это большинство (не было ли перед этим принудительного массового переселения или выселения представителей угнетенных национальностей и вселения на их место колонистов господствующей национальности, не было ли принудительной денационализации туземного населения и пр.), то, вместо выявления действительного этнического характера территорий, эти этнографические карты «научно» оформляли права агрессоров на захваченные ими территории. Такова была методологическая установка подготовленных для Парижской конференции карт. Из

---

[1] Автореферат докторской диссертации, защищенной в Институте этнографии 3 июня 1947 г. (Отчет о защите см.: «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 215—216.)

этого примера видно, какое громадное значение имеет методология определения этнических территорий в международных отношениях и как важна научная разработка ее.

Реферируемая работа, имеющая своей целью разработку отдельных частей этой методологии, состоит из двух разделов. В первом разделе исследуется вопрос об этнической границе, во втором — об этнической (этнографической) территории.

В привычном и наиболее распространенном определении этническая граница есть рубеж между двумя национальными территориями. Этнографы и этностатистики вводят при этом в определение признак мажоритарный — большинства данного народа или этнической группы по отношению к остальному населению. Этот мажоритарный признак игнорирует фактические границы расселения национальностей и делает невозможным изучение этнического состава смешанных районов. Лингвисты (в противовес такому мажоритарному определению) отождествляют этническую границу с границей языковой; это отождествление основано на теории, сводящей все этнографические особенности народов к различию в языке и игнорирующей все другие признаки этноса. Но ни этностатистические, ни лингвистические определения этнических границ не могут выявить действительных этнических рубежей.

В понимании автора, этническая граница определяется не только и не столько употребляемым языком, сколько сложной спецификой всей жизни и быта народа, спецификой, слагающейся веками и отражающейся как в материальной, так и в духовной культуре. В отличие от границ государственных и административных, этнические границы очень редко разделяют одной сплошной линией два этнических массива; гораздо чаще этнические границы соседних народов пересекают друг друга, образуя внутри пересеченных территорий зоны, заселенные смешанным в этническом отношении населением, или создавая национальные островки среди сплошного массива чужой национальности, или формируя приграничную более или менее широкую полосу, заселенную переходной в этническом отношении группой или народностью. Реальное определение этнических границ возможно поэтому только в результате специального этнографического обследования на месте. Результаты такого обследования могут быть использованы наиболее успешно для административного районирования (с учетом национального состава населения) и школьного строительства. В первом случае необходим не только учет этнического размещения самого населения, но также и географического размещения земель и другого недвижимого имущества, находящихся в распоряжении отдельных этнических групп. Во втором случае приходится выяснять географическое размещение населения (по этническому признаку) по кварталам, улицам и даже домам. При международных этнотерриториальных спорах, однако, обычное этнографическое обследование оказывается недостаточным и должно быть дополнено изучением этнической территории в историческом аспекте.

Применение сплошного этнографического обследования не всегда возможно, оно требует много времени и труда. Этническая статистика, которая могла бы быть основой всех исследований, связанных с географическим размещением национальностей, даже в европейских странах ведется в большинстве случаев так, что не дает правильного представления об этническом составе населения, а во внеевропейских странах дело обстоит еще хуже. Такое положение с этническим учетом населения заставляет исследователей искать иных путей для выявления национального состава населения и его географического размещения.

В прошлом веке большим распространением пользовалась теория «естественных границ» народов — границ, якобы совпадающих с границами этническими и политическими. В действительности так называемые естественные границы, т. е. географические рубежи, имеют ограниченное значение для выявления этнических границ в странах высокой культуры. За исключением морской береговой линии, ни реки, ни горы, ни леса, ни болота не дают стойкой опоры для определения направления или конфигурации этнических границ. Существуют попытки некоторых исследователей (А. Закржевский и др.) поставить конфигурацию и направление этнических границ в прямую зависимость от характера соприкасающихся на этих границах национальных культур. Этими исследователями намечаются два типа такой конфигурации: типы границы между народами: а) далекими по языку и культуре и б) близкими по языку и культуре. Для первого типа якобы характерна четкость линий этнической демаркации, для второго типа правильное определение пограничной линии почти невозможно. В виде примера подобных границ А. Закржевский указывает на польско-литовскую этническую границу в б. Сувалкской губ. в начале XX в. и на польско-украинскую этническую границу в Холмщине также в начале XX в.

Детальное ознакомление с материалом об этнической демаркации в указанных районах подтверждает в общем выводы Закржевского, но одновременно вскрывает существенные недостатки его теории, игнорирующей социальные факторы: социальный состав населения и историю национальных отношений. Два типа, намеченные Закржевским, реально существуют, но они не исчерпывают всего многообразия границ. Все типы конфигурации этнической границы сложились исторически. Экспансия народов-завоевателей стремилась подтянуть этническую границу господствующей национальности к границам политическим: для этой цели применялась сложная система денационализации туземного населения (при помощи церкви, школы и административного воздействия) и колонизация. Под влиянием колонизации в этнических массивах туземного населения оказывались вклинения, разрывы и вкрапления, постепенно расширявшиеся и увеличивавшиеся. Вследствие этого конфигурация этнических границ национально и политически угнетенного населения лишалась прямолинейности. Эксплоататорские классы национально угнетенного населения легче поддавались денационализации, быстро ассимилировались, между тем как денационализация народных масс проходила значительно медленнее, и здесь сказывалось то обстоятельство, на которое правильно обратил внимание Закржевский,— степень отличия в национальной культуре. При большой разнице в языке и обычаях в пограничной полосе угнетенной национальности создавалось, под влиянием постепенной денационализации, двуязычие — как переходная форма к полной утрате родного языка. При близости же языков и обычаев денационализация приводила к образованию переходных говоров и созданию смешанного быта.

Обобщенная характеристика этнических рубежей не может поэтому ограничиваться лишь конфигурацией этнических границ, а должна давать представление о происходящих этнических процессах. На данной стадии изучения европейских этнических границ можно выделить по крайней мере три основных типа. На этнических рубежах п е р в о г о т и п а,— когда соприкасаются национальные культуры, чуждые друг другу,— линии этнической границы в условиях относительной стабильности проходят, резко разделяя соседние этнические массивы. Линии этнической границы этого типа имеют тенденцию отодвигаться за счет территории той народности, которая поставлена в худшие правовые и экономические

условия, и лишаются своей четкости и выразительности, по мере того как денационализация и ассимиляция туземного населения проникает в самую толщу этнического массива. На этнических рубежах в т о р о г о т и п а,— когда соприкасаются родственные национальные культуры,— четкую линию этнической границы установить трудно, так как национальную принадлежность населения можно выявить большей частью лишь в меру развития его национального самосознания. На этнических рубежах т р е т ь е г о т и п а,— когда соприкасаются не родственные, но и не очень далекие друг другу национальные культуры,— линии этнической демаркации выступают достаточно отчетливо, но не на всем протяжении границы: их могут прерывать более или менее узкие полосы территории, заселенной смешанным населением.

Из этих положений можно сделать некоторые практические выводы, имеющие значение для составления этнографической карты. Этнические границы первого типа, в их стабильном положении, можно встретить в Европе лишь в виде исключения. Границы второго и третьего типов всегда пестрят полосами смешанных в национальном отношении зон: выразить такие рубежи в виде непрерывных линий обычной границы нельзя. Поэтому линейный принцип (общеупотребительный в большинстве этнографических карт, составленных в конце прошлого и в начале нынешнего столетий) демаркации границ не приемлем для картографирования этнических рубежей в Европе.

Этническая территория (или этнографическая территория)— это не просто область, где в настоящее время живет тот или другой народ: это пространство, исторически и экономически связанное с ним. В определение этнической территории своей составной частью входит понятие о туземном населении. Чтобы выявить, какое именно население следует считать на данной территории туземным, необходимо сделать территорию объектом историко-этнографического изучения. Отдельные частности проблемы туземного населения исследуются различными дисциплинами: археологией, историей, лингвистикой, этнографией, статистикой, географией, антропологией. Без координации применяемых этими дисциплинами методов, без комплексного использования получаемых ими выводов невозможно научное изучение этнической территории.

Выявление той части населения, которую следует отнести к туземному, связано с установлением этнического состава всего населения данной территории. Для установления этнической принадлежности (и составления этнической характеристики) той или иной группы населения необходимо выяснить наиболее яркие и специфичные признаки ее материальной и духовной культуры. Основными объектами этнографического исследования в этом случае можно взять форму жилища, планировку жилых и подсобных помещений, внутреннее убранство домов, хозяйственную утварь, кулинарию, одежду, орнамент, т. е. все то, что наиболее длительно сохраняет этнический колорит. Географическое распространение определенных обычаев, поверий и песен также может быть источником для установления границ этнографической территории. Многое можно установить при помощи топонимики района. Большое значение имеет использование археологических источников, которые вместе с данными топономастики могут дать совершенно исключительные по своему научному значению выводы для этнографического освещения района. И, наконец, следует установить районы распространения того или иного языка, диалекта, говора. Взятые в таком комплексе данные различных дисциплин дополнят друг друга и создадут вполне объективную картину этнической территории. Применение при этом этнической статистики (если она существует

в отношении данной территории), конечно, обязательно, но статистический материал при сопоставлении его с данными истории, археологии, этнографии и пр. получит сплошь и рядом совершенно иное освещение, чем если бы он был использован изолированно. Применение исторического метода при изучении этнических территорий предполагает специализированный подход к определению этнического состава населения городов и сельских местностей. Этнический состав сельского населения меньше подвержен резким изменениям (за исключением случаев естественной или искусственной, т. е. насильственной, ассимиляции), чем этнический состав городского населения. Вследствие этого сельские местности должны учитываться отдельно.

Далее, на конкретном примере этнического изучения территории Малой Литвы автор показывает детально применение комплексного исторического метода определения этнических территорий. Исходной датой исследования является начало XX в.

Древнейшим населением на территории, расположенной между р. Пассаргой и Неманом (с его притоками), а также на Землянском полуострове были, как доказывает автор, пралитовские племена, положившие начало образованию народов летто-литовских (пруссов, куров, литовцев и латышей). Вплоть до начала XIII в. на этой территории не было никакого другого населения, кроме прусско-литовского. Имеющиеся у Иордана и других авторов сведения о расселении в устье Вислы в течение первых двух столетий нашей эры какого-то готского племени легендарны и не указывают точных границ восточного проникновения этого племени. Археологические же данные о «культуре устья Вислы», которая толкуется некоторыми немецкими археологами как культура готская, неполны, и точная датировка этой культуры до сих пор не установлена.

Накануне вторжения немцев отдельные племена пруссов, куров, литовцев не сформировались еще в единый народ; тем не менее между этими племенами существовала некая общность материальной и духовной культуры. Близость древнепрусского и древнелитовского языков настолько велика, что многие ученые склонны считать их не самостоятельными языками, а диалектами одного и того же языка. Во всяком случае, языки эти — родственные друг другу — не перешагнули, видимо, в то время за стадию диалектальную.

Анализ топонимических материалов приводит в свою очередь исследователя к выводу, что готы, если они когда-либо находились на территории восточнее р. Пассарги, не оставили никаких следов своего пребывания в географических названиях и названиях населенных пунктов. Севернее линии Хайлигенбайль — Прейссиш Холланд — Алленштейн — Растенбург вплоть до XIII в. проживало лишь прусско-литовское население. Южнее и западнее этой линии, судя по данным топонимики, к нему примыкало население славянское, среди которого имелись небольшие вкрапления прусского элемента. Поэтому можно считать собственно прусско-литовскими (в этническом отношении) лишь территории восточнее и севернее указанной линии. Территории западнее и южнее этой линии были накануне XIII в. (в этническом отношении) славянскими.

После вторжения немцев этнический состав населения на территории восточнее и севернее р. Пассарги стал меняться. Немецкая колонизация, сначала направлявшаяся в города, а позже — в сельские местности, создала вклинения в прусско-литовскую этнографическую территорию. Истребление прусского населения в ряде районов, насильственная денационализация тех, кто остался в живых, привели к исчезновению пруссов как народа. В XVI в. прусский язык перестал быть живым раз-

говорным языком населения. Денационализация литовцев, оказавшихся в зоне немецкой оккупации, проходила несколько медленнее: вплоть до XVII в. в центральных, восточных и северных районах Малой Литвы большинство населения оставалось литовским. Ввоз немцами 30 000 колонистов в начале XVIII в. изменил положение в некоторых районах (например, в районе Гумбинена), но Малая Литва вплоть до конца XVIII в. имела преимущественно литовское население в сельских местностях. В XIX в. активная колонизаторская деятельность евангелистской (лютеранской) церкви, немецкой школы и принудительные меры немецкой администрации, преследовавшей все литовское, ускорили денационализацию значительной части литовского населения, которое, по официальным данным, в первых десятилетиях XX в. не составляло и 50% количества, имевшегося в половине XIX в.

Недостоверность германской официальной статистики заставляет искать иные источники для выявления численности и районов размещения литовцев в Восточной Пруссии в начале XX в. Религиозная и школьная статистика вносят некоторые коррективы в данные цензов. Тем не менее, эти коррективы недостаточны. Сравнение данных цензов с имеющимися сведениями о границах церковных приходов, употреблявших литовский язык при богослужении, сопоставление этих данных со сведениями о районах распространения конфирмации на литовском языке — несколько расширяют границы той области, которую можно считать заселенной в начале XX в. компактным литовским населением. Крайнюю южную границу распространения литовского языка в это время можно установить, с одной стороны, по границе районов литовского богослужения, а с другой — по некоторым официальным данным, например по сведениям, исходящим из германских военных учреждений, относительно тех районов, где население употребляло литовский язык. Эта южная граница проходила в начале XX в. по линии Лабиау — Мульджен — Даркемен — Гольдап.

Севернее этой линии в отдельных районах в начале XX в. еще имело место распространение некоторых специфических особенностей литовской материальной и духовной культуры. Особый тип старолитовского трехраздельного дома и клети (*свирне*) сохранялся во многих местностях Малой Литвы. Кроме своеобразного расположения внутренних помещений, эти постройки отличались и своим внешним видом, украшениями (резными изображениями лошадиных голов, петушков, яркой раскраской фасадов, окон, дверей и пр.). Для этой территории характерно также распространение специфических литовских деревянных надгробий с изображением птиц, погребальных урн и цветов. Сохраняла литовский этнический облик праздничная одежда женщин, особенно в принеманской полосе и в Клайпедской области. Можно отметить также распространение некоторых форм литовской духовной национальной культуры, в особенности старых песен (*дайн*) и сказок. Однако районы записи литовского фольклора не охватывают всей территории Малой Литвы и ограничиваются главным образом принеманскими районами. Сведения о распространении литовской периодической печати в начале XX в. не могут быть мобилизованы (хотя они имели бы очень большое значение для показа степени сохранения в отдельных районах литовского национального самосознания), так как архивы литовских издательств, находившихся до 1939 г. в Тильзите, еще не разысканы.

Сопоставление всех этих данных позволяет автору сделать вывод о том, какое именно население могло в начале XX в. считаться на этой территории туземным. В результате длительного и систематического онемечения туземного литовского населения численность его в Малой Литве

к началу XX в. сильно сократилась. Наиболее сохранила к этому времени литовский этнический облик лишь Клайпедская область.

Что же касается остальных районов Малой Литвы, то в них литовский этнический элемент, уже сильно поредевший, с каждым новым десятилетием все ослабевал в численном отношении. Однако, несмотря на это прогрессировавшее уменьшение численности западных литовцев, ни один из районов Малой Литвы к началу XX в. не стал еще «чисто немецким», и почти во всех местах, где археологи в прошлом обнаруживали следы пребывания древних литовцев, а топономастика устанавливала литовский характер названий населенных пунктов, в начале XX в. слышалась еще литовская речь. Через несколько десятилетий положение значительно изменилось: гитлеровцы принудительно денационализировали оставшееся в районах южнее Немана туземное литовское население и приняли все меры к тому, чтобы сделать для него невозможным сохранение национальных обычаев и родного языка. К моменту освобождения Красной Армией этой территории от немецких поработителей компактное литовское население сохранилось лишь в Клайпедской области, которая и была присоединена к Литовской ССР.

В. В. ГИНЗБУРГ

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ К ЭТНОГЕНЕЗУ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ[1]

Палеоантропологические материалы по Средней Азии еще очень немногочисленны, и мы можем пока приоткрыть лишь некоторые страницы очень сложной и интересной истории формирования ее народов. Чтобы разобраться в палеоантропологии Средней Азии, мы должны учесть распределение антропологических типов среди населяющих ее современных народов. Благодаря работам, главным образом, Л. В. Ошанина мы знаем, что в антропологическом отношении современная Средняя Азия делится на три большие области:

1. Западная область, заселенная преимущественно туркменами, у которых хорошо выражен долихокефальный темнопигментированный европеоидный тип, с небольшим налетом монголоидных черт. Это вариант средиземноморской расы, широко распространенной на юго-западе Европы, севере Африки и отсюда, через Иран, распространяющейся до Индостана.

2. Область Среднеазиатского междуречья от верховьев и до устьев Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, заселенная припамирскими иранцами, таджиками, узбеками и каракалпаками, среди которых представлены различные варианты темнопигментированного брахикефального европеоидного типа с некоторым налетом монголоидных черт в отдельных районах. Этот тип Ошанин назвал расой Среднеазиатского междуречья.

3. Северо-восточная область Средней Азии, заселенная казахами и киргизами, среди которых представлена монголоидная раса, хорошо изученная Ярхо, назвавшим ее южносибирской. Эта раса характеризуется брахикефалией.

Палеоантропологический материал, хотя и охватывает огромный период, от неандертальца из Тешик-Таша, найденного Окладниковым в 1938 г. и описанного Г. Ф. Дебецом, до современного человека, но имеет еще очень много пробелов как во времени, так и в пространстве. Палеоантропология Средней Азии в сущности только начинает развиваться, и многие материалы раскопок последних лет еще не опубликованы.

Приводя известные нам материалы, мы, для лучшего представления о них, будем придерживаться их хронологической последовательности.

Наиболее древние, известные нам материалы (не считая неандертальца) — это черепа энеолитической эпохи из Анау. По данным изучив-

---

[1] Автореферат доклада, прочитанного на сессии Института этнографии в Ленинграде 17 июня 1946 г.

шего их Серджи, они относятся к долихокранному европеоидному типу (средиземноморскому). Еще более древние черепа из Мочайской пещеры на юге Узбекской ССР, раскопанные накануне Великой Отечественной войны, еще не опубликованы, но они демонстрировались в 1942 г. в Ташкенте, на сессии по этногенезу народов Средней Азии и также относятся к долихокранному типу. Следующие по датировкам материалы относятся уже к рубежу и к первым векам нашей эры.

Здесь нужно прежде всего отметить черепа усуней, раскопанные Воеводским и Грязновым близ города Каракол в 1929 г. По данным Трофимовой, изучившей эти черепа, они все европеоидного типа, причем пять из них оказались брахикранными и два приближаются к долихокранным. В 1938 г. Григорьев также раскопал под Ташкентом усуньские погребения. Исследованные нами краниологические материалы из этих раскопок близки к изученным Трофимовой.

В том же 1938 г. Григорьев раскопал 3 черепа в курганах «сакской культуры» близ г. Янги-юль под Ташкентом.[2] По нашим данным, эти черепа относятся к долихокранному европеоидному (средиземноморскому) типу.

Интересные материалы, датируемые точно рубежом нашей эры, добыты из Кен-Колского катакомбного могильника в долине Талас, Киргизской ССР. Здесь хоронили своих покойников северные гунны. Краниологические материалы из раскопок Бернштама в 1938—1939 гг., изученные нами совместно с Жировым, характеризуются нерезко выраженным брахикранным монголоидным типом, частью метисированным с европеоидным. К этому типу принадлежит погребенный в кургане из Ноин-Ула в Монголии, относящемся также к рубежу нашей эры.

Характерной особенностью населения, хоронившего своих покойников в Кен-Колском могильнике, был обычай деформировать черепную коробку в виде конуса, в чем было достигнуто большое совершенство. Повидимому, отсюда этот обычай был перенесен и на Запад, до Центральной Европы.

Во время раскопок были обнаружены три погребения у входа в катакомбы. Бернштам считает их одновременными погребениями рабов, Грязнов же относит их к несколько более поздним, впускным. Для нас важно, что по расовому типу эти люди отличались от остальных погребенных и принадлежали к брахикранному европеоидному типу, с которым, повидимому, метисировались и предки погребенных в катакомбах.

Еще более поздние известные нам материалы охватывают несколько столетий рубежа I и II тысячелетий н. э. Это — черепа из зороастрийских кладбищ VII—XIII вв., раскопанные в районах Самарканда, Джамбула и Чуйской долины в 1936 и 1940 гг. Григорьевым, Пацевичем и Бернштамом. Эти материалы (изученные частью Жировым, частью нами) показывают, что население, хоронившее своих покойников в этих кладбищах, было по расовому типу брахикранным европеоидным. К этому же расовому типу принадлежат и погребенные в Чуйской долине на несторианском кладбище XIII—XIV вв., раскопанные в 1886—1888 гг. Пантусовым и изученные Дебецом.

Наконец, к еще более поздним материалам относятся черепа, добытые из кладбищ в Самарканде еще Федченко и изученные в свое время Богдановым, а впоследствии Трофимовой. Эти черепа относятся к европеоидному брахикранному типу. Сходны с ними и черепа из самаркандских же кладбищ, изученные Яворским. К этому же типу относятся и черепа

---

[2] Теперь эти материалы датируются несколько более поздним временем — культуры Кауичи-2.

из Макшеватских пещер в Зеравшанском хребте, привезенные в начале нашего века Бобринским и Богоявленским и изученные Зографом.

Изученные нами черепа из старого узбекского кладбища в г. Бухаре также оказались в основе европеоидными брахикранными, с частичным наслоением мезокранного монголоидного типа.

* * *

Мы видим, что на территории Средней Азии долихокранный европеоидный тип отмечается очень давно, со времен палеолита, причем он был более широко распространен к востоку, чем сейчас (Мочайская пещера, Анау). У этого типа характерно отсутствие краманьоидных или нордических черт; отмечается характерная для средиземноморского типа грацильность.

Материалов, показывающих здесь линию развития этого долихокефального средиземноморского типа, почти нет. По историческим данным, разработанным Л. В. Ошаниным, к этому типу относились (на рубеже I и II тысячелетий н. э.) предки современных туркмен — гузы. К этому же типу, если судить по немногочисленным пока материалам, относились в начале нашей эры и саки (может быть, только некоторые).

Имеющиеся данные не дают нам пока возможности сказать, являются ли саки, гузы и туркмены отдаленными непосредственными потомками населения Анау и жителей Мочайской пещеры (хотя это наиболее вероятно) или их конкретная линия развития идет извне. Во всяком случае, нам представляется, что линия развития этого длинноголового европеоидного типа связана со средиземноморским типом (Ближний Восток) и мало или совсем не связана с динлинами, носителями так называемого тагарского типа; последний — тоже длинноголовый европеоидный, но отличается от средиземноморского. Наличие этой связи можно допустить лишь в очень глубокой древности (верхний палеолит).

Брахикефальный европеоидный тип, характерный сейчас для области Среднеазиатского междуречья, является здесь очень древним, хотя пока еще нельзя сказать, какова его действительная древность и в каких отношениях были (в смысле равития) конкретные носители этого типа с конкретными носителями средиземноморского типа.

Считая брахикефализацию общим направлением развития расовых типов человечества, мы принимаем, что брахикефальный европеоидный тип является автохтонным и для Средней Азии. Возможно, что длинноголовые мочайцы, жившие за несколько тысяч лет до нашей эры, и были прямыми предками носителей типа Среднеазиатского междуречья.

Во всяком случае, на рубеже и в начале нашей эры этот брахикефальный европеоидный тип вполне хорошо выражен и значительно распространен как в Среднеазиатском междуречье, так и в Семиречье и в Восточном Туркестане. В последнем (как и в междуречье) этот брахикефальный европеоидный тип хорошо прослеживается до современности.

Сложная история развития народов Средней Азии была причиной того, что этот древний тип местами сохранился в мало измененном виде, например среди горных таджиков. Местами, у некоторых народов, мы видим этот тип в несколько измененном виде, так как здесь он развивался при влиянии носителей других антропологических типов, как европеоидных, так и, главным образом, монголоидных.

Это мы можем видеть и на современных узбеках, и на краниологических материалах старых узбекских кладбищ в Самарканде, и, в особенности, в Бухаре. Это можно видеть и на древнем, и на современном насе-

лении Восточного Туркестана. Выделенный там Кизсом лоуланский тип мы считаем локальной вариацией древнего типа Среднеазиатского междуречья.

Имеющиеся материалы дают возможность вести конкретную линию развития брахикефального европеоидного типа и его носителей от европеоидного населения рубежа нашей эры, погребенного в Кен-Колском могильнике. Линия развития идет через тысячелетие нашей эры к усуням и согдийцам (о последних мы можем судить по зороастрийским погребениям) и, наконец, доходит до современного неселения области Среднеазиатского междуречья. Отмечаемые сейчас локальные вариации этого типа являются результатом конкретного развития обитающих здесь народов, которое происходило то в более изолированных условиях (горные таджики, припамирские иранцы), то в условиях большего контакта с соседними или пришлыми народами.

Монголоидный расовый тип на территории Средней Азии нам известен лишь с рубежа нашей эры, в Семиречье.

Носителями монголоидного типа были погребенные в Кен-Колском могильнике северные гунны. Их расовый тип сходен с одним из типов гуннов (авар), дошедших до Венгрии (тип «В» Бартуча). Их сближает и обычай деформации черепа. Этот тип, с формой черепной коробки, приближающейся к брахикрании, может быть, является исходным при формировании типа современного населения восточных областей Средней Азии. При этом монголоидные черты этого типа могли быть впоследствии и усилены более поздними проникновениями сюда кочевников-тюрок, пришедших с Алтая или из еще более восточных областей.

Проникновение монголоидного расового типа не ограничилось, однако, лишь северо-восточной областью Средней Азии. Тюрки начала I тысячелетия н. э. и узбеки середины II тысячелетия являлись носителями монголоидных расовых черт и, ассимилируясь в местном населении или ассимилируя его, передавали в той или иной степени черты своего расового типа.

В этом отношении интересны следующие факты: наличие мезокранного монголоидного типа у тюрок середины I тысячелетия из района оз. Лоб-Нор, изученных Юзефовичем; наличие монголоидных черт на изученных нами некоторых черепах из старого кладбища г. Бухары, причем монголоидные черты сочетаются здесь с менее круглой формой черепной коробки; наличие большего или меньшего количества монголоидных черт у современных узбеков, причем бóльшая монголоидность отмечается у узбеков, менее ассимилировавшихся с местным коренным населением (узбеки, сохранявшие до последнего времени свои родовые названия); наконец, наличие некоторого количества монголоидных черт у туркмен, что, по предположению Дебеца, относится к очень древним временам.

Т. А. ЖДАНКО

РОДОПЛЕМЕННАЯ СТРУКТУРА И РАССЕЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ НИЗОВЬЕВ АМУ-ДАРЬИ В XIX — НАЧАЛЕ XX в. [1]

Известные до настоящего времени среднеазиатские и русские нарративные источники, относящиеся к каракалпакам, немногочисленны и к тому же освещают историю этого народа лишь с конца XVI в.; однако даже эти скудные сведения дают основание определить значительность роли каракалпакского народа в исторических событиях, происходивших на обширной территории степей Северного и Южного Приаралья и Северного Прикаспия в XVI—XIX вв.

Каракалпаки на протяжении этого периода принимали деятельное участие в политической, экономической и культурной жизни среднеазиатских ханств, казахских жузов и входивших в пределы Российской империи народов Приуралья и Поволжья.

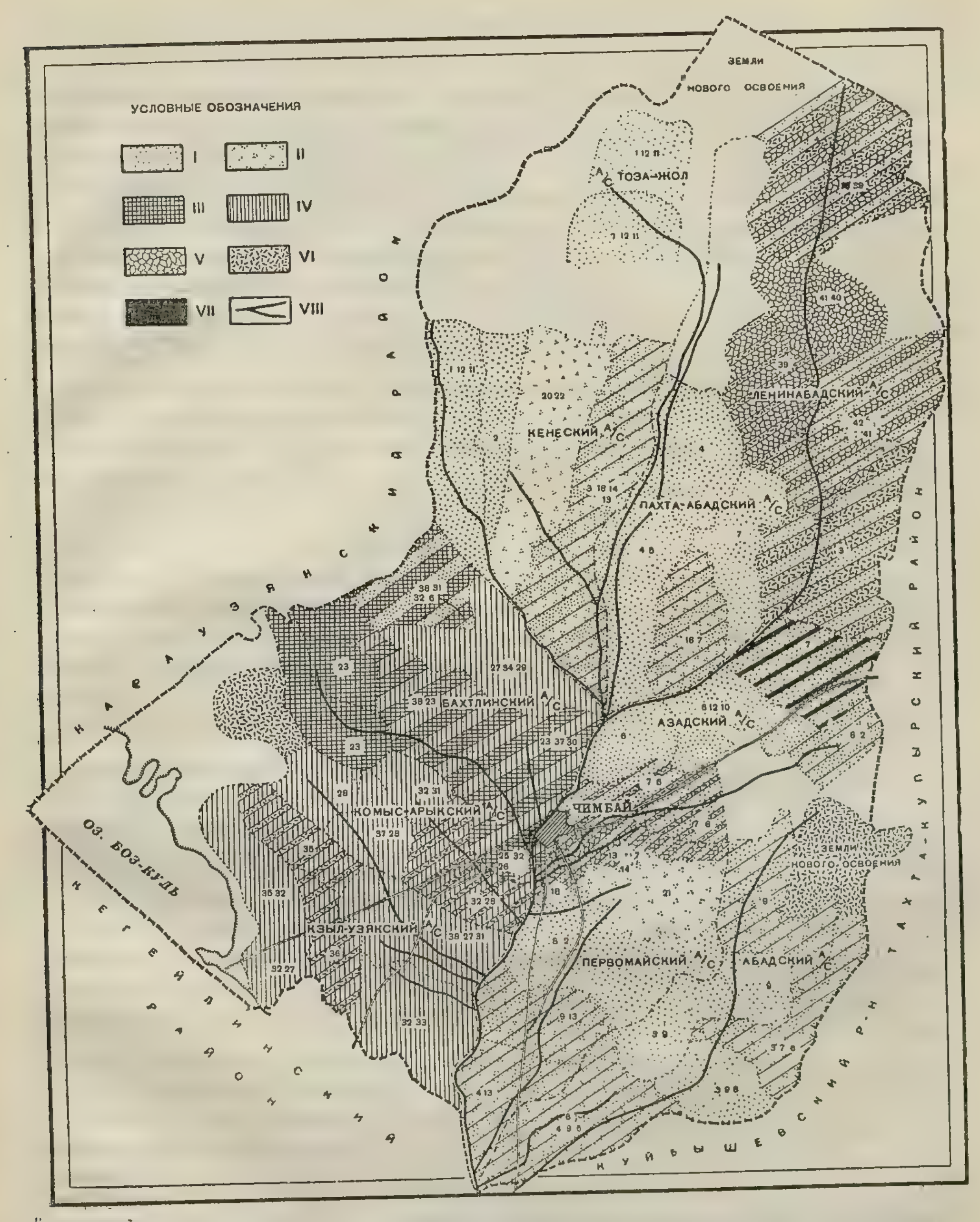
Ввиду скудости письменных источников, исключительно важное значение приобретают для историка Кара-Калпакии этнографические материалы, характеризующие особенности хозяйственной жизни, культуры и быта каракалпаков и фиксирующие пережитки в недавнем прошлом, а иногда и в современном их быту социальных институтов, типичных для более ранних этапов истории этого народа.

Широко привлекавшиеся нами этнографические материалы, дополняющие исторические данные, свидетельствуют о том, что в XIX — начале XX в. характерной чертой социально-экономического строя каракалпаков, как и ряда других народов Средней Азии (казахов, киргизов, туркмен, частично узбеков), являлось устойчивое сохранение пережитков патриархально-родового строя в хозяйстве, в общественных отношениях и в семейно-бытовом укладе при господстве феодальных отношений и наличии глубокой классовой дифференциации в каракалпакском обществе.

При историко-этнографическом исследовании социального строя каракалпаков чрезвычайно важно изучить их сложную родоплеменную структуру, слагавшуюся на протяжении многих веков и сохранившуюся до настоящего времени в своих основных чертах в памяти населения. Необходимость восстановления по возможности полной и четкой картины всей системы каракалпакских племен и родов, изучения их взаимосвязей,

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 20 мая 1947 г. (отчет о защите см.: «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 214—215). Исследование построено на основе полевых этнографических материалов, собранных в 1945 и 1946 гг. в Кара-Калпакской АССР (Чимбайский, Муйнакский и Кунградский районы) автором, участвовавшим в работах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР.

Схематическая карта расселения каракалпакских племен и родов на территории Чимбайского района Кара-Калпакской АССР (по данным, собранным этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР в 1945 г.)

Племена и роды отдела Он-торть уру:

I—племя *Ктай*. Роды: *1*—Казаяклы; *2*—Кайшилы; *3* — Аралбай; *4* — Бессары; *5* — Бексеик; *6* — Анна; *7* — Куюн; *8* — Айтеке; *9* — Шереуши; *10* — Менжули; *11* — Боклы-ктай; *12* — Кырк;

II — племя *Кыпшак*. Роды: *13* — Канглы; *14* — Сангмурын; *15* — Естек; *16* — Канжигалы; *17* — Шунак; *18* — Жагалтай; *19* — Багапалы; *20* — Майлибалта; *21* — Жадык; *22* — Салтыр;

III — племя *Кенегес*. Роды: *23* — Аранши; *24* — Ак-тогын; *25* — Омыр; *26* — Мынжыр;

IV — племя *Мангыт*. Роды: *27* — Ак-мангыт; *28* — Кара-мангыт; *29* — Аршан; *30*—Арсары; *31* — Шуйыт; *32* — Жаманши; *33* — Ушпас; *34* — Кара-сыйрак; *35* — Тонгмуйын; *36* — Таажаллык; *37* — Мамыкши; *38* — Жаллык

Племена и роды отдела Конграт:

V — племена: *39* — Колдаулы; *40* — Костамгалы. Роды: *41* — Казаяклы; *42* — Терстамгалы;

VI — казахи; *VII* — узбеки; *VIII* — ирригационная сеть

объединений и группировок, а также изучение сведений о передвижениях этих племен и родов до расселения основной массы каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи (конец XVIII— начало XIX в.), вызываются не только значительной ролью пережитков родоплеменного деления в общественной жизни и семейном быту каракалпаков в дооктябрьский период их истории; без этих отправных данных невозможен анализ этнографического материала, так же как и правильное истолкование архивных документальных источников, пестрящих названиями племен и родов при упоминаниях каракалпакских исторических деятелей, при описаниях занятых каракалпаками земельных угодий, перечислениях взысканных налогов и т. п.

В основе родоплеменной системы каракалпаков, обитающих в низовьях и в дельте Аму-Дарьи, лежит деление их на 2 главных отдела, называемых *арыс* (буквально «оглобля»): 1) арыс Он-торть уру; 2) арыс Конграт. Численность отдела Он-торть уру, по данным 1901 г., определялась в 72050 человек; отдела Конграт — около 42000 человек.

Каждый из этих отделов во второй половине XIX и начале XX в. занимал в Хорезме определенные территории: арыс Он-торть уру располагался на правом берегу Аму-Дарьи, в бассейне канала Кегейли; арыс Конграт в основном был сосредоточен в северной части дельты, на землях, прилегающих к Аральскому морю, а также на левом берегу Аму-Дарьи, в Кунградском и Чумикеевском бекствах Хивинского ханства. Каждый из арысов в свою очередь делился на 2 части: Он-торть уру — на 2 пары племен (2 тюбе): Ктай — Кыпшак и Кенегес — Мангыт; Конграт — на 2 отделения: Шуллук и Жаунгыр.

Этому делению соответствовало также деление территорий расселения каракалпаков: между племенами Ктай и Кыпшак, с одной стороны, Кенегес и Мангыт — с другой, резкой границей проходил канал Кегейли; первые жили по его правому берегу, вторые — по левому. Следы такого расселения сохранились до настоящего времени у каракалпаков Чимбайского и Кегейлинского районов Кара-Калпакской АССР (см. карту). Все каракалпакское население нынешнего обширного Муйнакского района представляло в прошлом сплошной массив племени Конграт — отделения Шуллук; в южной части Кунградского района Шуллук и Жаунгыр смешаны, а в Ходжейлинском районе уже преобладают роды отделения Жаунгыр.

Отдел Он-торть уру, представляющий собой, как указывалось выше, объединение четырех крупных племен (Ктай, Кыпшак, Кенегес и Мангыт), состоит из 52 родов. Наиболее многочисленно племя Ктай (по данным 1912 г., около 25000 душ, до 27% всех каракалпаков правобережного Хорезма). В отделе Конграт отделение Шуллук объединяет 8 племен (Кыят, Ашамайлы, Колдаулы, Костамгалы, Балгалы, Ханденли, Карамойын, Мюйтен), состоящих в общей сложности из 64 родов; отделение Жаунгыр состоит из 7 родов. Таким образом, родоплеменной состав каракалпаков характеризуется наличием 12 племен, 123 родов и, кроме того, многочисленных крупных и мелких родовых подразделений.

Сохранились воспоминания о боевых кличах племен (уранах) и тамгах для клеймения скота. Наблюдаются пережитки родовых группировок внутри племени. Роды и их подразделения строго экзогамны; экзогамия — устойчивый пережиток, сохранившийся в каракалпакском ауле и до настоящего времени.

Характер расселения каракалпаков в Хорезме компактными группами, соответствующими основным звеньям родоплеменной структуры, оказывается также устойчивым явлением, сохранившимся вплоть до Великой Октябрь-

ской Социалистической революции. В период пребывания каракалпаков под властью хивинских ханов этой родоплеменной структуре соответствовала и административная система управления каракалпаками (бии, аталыки, беглербеги). Поддержка Хивой, в интересах удобства управления и эксплоатации, экономической мощи и политического авторитета каракалпакской феодально-родовой знати была одной из главных причин длительного сохранения родовых пережитков в общественной жизни каракалпаков. Когда после завоевания в 1873 г. Хивинского ханства Россией преобладающая часть каракалпакского народа попала в условия колониального режима царизма, здесь все еще не были созданы предпосылки для уничтожения родовой замкнутости и патриархально-феодальной системы эксплоатации, столетиями тормозивших экономическое и культурное развитие каракалпакского народа. Земельные угодья, вода и пастбища попрежнему распределялись феодально-родовой знатью, облеченной властью волостных управителей и других должностных лиц колониального аппарата управления. Лишь после Великой Октябьской Социалистической революции, с победой колхозного строя, в социалистической Кара-Калпакии исчезли границы так называемых родовых угодий; на обширных территориях колхозов объединено в большие дружные трудовые коллективы не только разноплеменное, но и разнонациональное население республики.

Анализ материалов, связанных с каракалпакской родоплеменной структурой, представляет значительный теоретический интерес. Существенной особенностью этой структуры является тенденция членения ее на 2 и 4 [2 отдела — арыса, 2 отделения конгратов, 4 легендарных предка у большинства крупных племен — например Ашамайлы, Колдаулы, Мюйтен; 4 племени в арысе Он-торть уру, деление родов племени Ктай на 4 группы, 4 рода в одной из этих групп (танке) и 2 в каждой из трех остальных групп Ктаев и т. д.]. В тесной взаимозависимости с указанным закономерным четным членением находится парная связь многих племен каракалпаков (Ктай — Кыпшак, Кенегес — Мангыт, Кият — Ашамайлы и др.); связь эта выражается в слитном произношении их названий, в общности или непосредственной смежности территории и отражается в генеалогических преданиях, где предки их связываются узами близкого родства.

Четное членение большинства разветвлений родовой структуры не является специфической особенностью каракалпаков, оно прослеживается также у других народов Средней Азии (туркмен, киргизов, узбеков, внутри Большого и Среднего жуза казахов).

Обратившись к историческим данным, мы увидим то же явление у средневековых огузов и монголов. Реальным выражением этого парного членения в общественной жизни является административное деление народностей на улусы, деление войска на правое и левое крылья, местничество. Есть основания полагать, что исходным моментом в этих политических явлениях была первоначальная четная группировка племен, вызванная особенностями их общественного строя, а уже вторичным—столь ярко отраженное в исторической литературе деление народностей на улусы, деление войск сельджукских, монгольских, узбекских ханов на правое (*бараунгар — онг*) и левое (*джаунгыр — сол*) крылья и, соответственно этому, деление племенной знати на сидящих справа и слева от хана и т. д.

Закономерность четного и преимущественно парного членения родоплеменных структур у средневековых и современных народов Средней Азии следует рассматривать, повидимому, как пережиток дуальной организации. Пример описанных Рашид Эддином и в «Сокровенном сказании» взаимоотношений свойства (xuda) у двух монгольских племен

Кият и Кунград, связанных друг с другом фратриальными узами предпочтительного брака, дает основание искать аналогичные корни парной связи и у каракалпакских племен. Как и у монголов, у каракалпаков отношения свойства распространяются не только на брачущиеся семьи, а на весь род, причем сохранилась до настоящего времени целая система терминов свойства для членов таких родов; в основе каракалпакской номенклатуры свойства лежит термин *куда*, аналогичный монгольскому. Некоторые данные статистики предпочтительных браков у каракалпаков подтверждают предположение, что попарно объединенным племенам каракалпаков были свойственны традиции, связанные с древними фратриями.

Этнонимы основных племен и родов, составивших каракалпакскую народность, исследуемые в связи с историческими событиями, в которых участвовали эти племена, и с учетом вызванных этими событиями передвижений их, проливают свет на некоторые вопросы этногенеза каракалпаков. Значительная часть этнонимов каракалпакских племен [Кият, Конграт, Мангыт, Ашамайлы (Кирей)] соответствует названиям главнейших монгольских племен. Происхождение этой категории названий может объясняться общностью некоторых этапов этногенеза этих народов; с другой стороны, оно могло быть вызвано монгольским владычеством в Средней Азии XIII—XIV вв., когда входившие в монгольские улусы и подчиненные в качестве «unaġan bo̊gol» отдельным представителям монгольской знати группы местного тюркского населения принимали название племени своего владетеля. Другая группа этнонимов (Канглы, Кыпшак, Ктай) соответствует названиям средневековых народов, исторические судьбы которых, достаточно хорошо освещенные письменными источниками, были связаны с главными территориями каракалпакского этногенеза. Происхождение этнонима *канглы* новейшие исследования ставят в зависимость от древнего имени печенегов — *кангар*.

Непосредственную этническую связь каракалпакских кыпшаков со средневековыми половцами — кипчаками — команами подтверждает, кроме ряда исторических данных, их боевой клич *токсаба*, соответствующий названию одного из важнейших половецких племен, известного в русских летописях под именем токсобичей.

Племенное название «Ктай», широко распространенное (как и Кыпшак, Канглы) не только у каракалпаков, узбеков, казахов, киргизов, но и у ряда тюркских народов Восточной Европы, связано, по всей вероятности, с киданями, или каракитаями, известными под именем «Ктай» еще из орхонских надписей, а в XII в. завоевавшими Среднюю Азию. Сохранившиеся среди каракалпаков племени Ктай генеалогические предания подтверждают традиции отдаленных связей их в прошлом с восточными областями Средней Азии и Китая. Остается пока открытым вопрос о том, являются ли среднеазиатские и восточноевропейские «Ктай» тюркизированными каракитаями или же это тюркские племена, подчиненные в свое время киданями и принявшие их имя.

Особый интерес представляет анализ каракалпакского племени Мюйтен и рода Джабы (Ябы)-Кыпшак. Этнографические материалы, касающиеся каракалпаков племени Мюйтен: ярко выраженные древние традиции рыболовства (отраженные в фольклоре, в тамге, имеющей вид остроги, и др.), сочетающегося с земледелием, сохранение в их среде древнейших образцов каракалпакского эпоса (поэма об амазонках — «Кырк кыз») и наиболее самобытных, архаических черт каракалпакской национальной культуры (в ковровых изделиях, одежде, орнаменте), наконец, наличие в недавнем прошлом в их составе рода Кердерли, соответствующего названию древнего протока Кердер дельты Аму-Дарьи и располо-

женной близ него области,— все эти факты доказывают возможность обосновать гипотезу о связи каракалпакского племени Мюйтен с наиболее глубокими пластами каракалпакского этногенеза — с древним автохтонным населением островов Аральского моря, дельт и пойм Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Что же касается Джабы (Ябы)-Кыпшаков, то сопоставление их имени с титулом правителя огузов — ябгу (в хивинском произношении, согласно Абуль-Гази, — яви-ябы), ставка которого находилась в X — XI вв. в дельте Сыр-Дарьи (развалины Янги-Кент), а также исторические данные Махмуда Кашгарского и Гардизи о том, что в указанный период в Средней Азии существовали многочисленные племена, подчиненные токуз-огузам и носившие имя ябагу-халлухов (карлуков) или просто ябаку (происхождение названия этих племен связывается традицией с титулом ябгу), дают основание предполагать наличие в этногенезе каракалпаков огузско-туркменского пласта. Эта гипотеза, так же как и вышеизложенная, подтверждается этнографическими материалами: историческими преданиями, легендарными генеалогиями каракалпаков и некоторыми чертами общности материальной культуры и искусства каракалпаков и туркмен.

Легенды и исторические предания каракалпаков, характеризующие пути передвижений и исторические связи их с соседними народами, несколько отличаются у арысов Он-торть уру и Конграт. Традиции Он-торть уру тесно связаны с областями Юго-Восточной Европы и Западного Казахстана [территориями прежнего своего обитания они называют области Крыма, Волги (Едиль), р. Урала (Жаик), а затем и низовьев Сыр-Дарьи, бассейна Жаны-Дарьи, и, наконец, Хорезм]. Сюжеты исторического эпоса и имена героев (Едыге, Есым-хан, Джаныбек-хан, Урманбет-бий, Орус-бий) ярко характеризуют так называемый ногайский пласт в их эпосе и фольклоре и подчеркивают близость их исторических судеб, а возможно, частично и этническую близость с ногаями и казахами. В преданиях племени Конграт значительно слабее отражены связи с казахами: своеобразной чертой преданий этой части каракалпаков является упоминание о длительном периоде жизни их совместно с узбеками одноименного племенного союза (Кунград) в Жидели-Байсуне — местности, расположенной в б. Горной (Восточной) Бухаре (нынешний Южный Узбекистан). Историческая и этническая общность каракалпаков-конграт и узбеков-конграт подтверждается рядом этнографических данных, собранных в 1946 г. каракалпакским и североузбекским этнографическими отрядами Хорезмской экспедиции.

В преданиях каракалпаков-конграт отразилась и другая традиция — неоднократный приход их в Хорезм и уход из него в связи с различными историческими событиями. Эти традиции подтверждают гипотезы современных исследователей этногенеза каракалпаков (Н. П. Иванова, С. П. Толстова) о том, что переход каракалпаков с Сыр-Дарьи в Хорезм, совершенный в основном в конце XVIII — начале XIX в., явился лишь эпизодом многовековой истории каракалпаков, сложившихся в народность на территории степей Приаралья и низовьев великих среднеазиатских рек — Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, и должен рассматриваться лишь как возвращение каракалпаков в страну их древнейших предков.

М. В. САЗОНОВА

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ В XIX в.[1]

Обнаруженный в 1936 г. проф. П. П. Ивановым архив хивинских ханов вводит в научное обращение новый материал, значительно расширяющий наши сведения о социальной жизни узбекских ханств.

Земля в Хивинском ханстве, как и в других государствах Востока, считалась имуществом государства; верховным собственником земли номинально значился глава государства —хан. Фактически он был наиболее крупным владельцем многочисленных земельных угодий, лично ему принадлежавших на основе наследственного права и «права» захвата земель его подданных. Он был главой господствующего класса феодалов — владельцев главного средства производства — земли. Вся земля ханства обрабатывалась трудом крестьян и, в значительно меньшей степени, трудом рабов.

Крестьяне обрабатывали земли разных категорий — частновладельческие (мюльковые), принадлежавшие как им, так и землевладельцам-феодалам, земли государственные («мемлека-и-падшахи», или «хасса») и земли вакуфные, находившиеся в распоряжении духовенства.

Изучение некоторых книг архива хивинских ханов (кн. 24 и 9) позволило сделать вывод, что к середине XIX в. хивинское крестьянство (имеется в виду главным образом большинство оседлого населения центральной части левобережного Хорезма) распадалось на три основные группы: 1) крестьяне, в достаточной степени обеспеченные землей, самостоятельно ведущие свое хозяйство и использовавшие, хотя и в незначительной степени, рабский труд; 2) крестьяне, зависимые от землевладельцев и возделывавшие их угодья (половники и издольщики); 3) крестьяне безземельные. 24-я книга архива содержит сведения о размерах земель, которыми владели феодалы, светские и духовные (вакуфные земли Ханабада). Этот же документ дает возможность определить, когда происходил процесс оседания некоторых родовых объединений узбеков, сохранявших родовые деления, и проследить заселение окраинных районов ханства.

Для рассматриваемого периода характерной была теснейшая связь крестьянства с кустарными промыслами, распространенными в селениях ханства.

Если для первой группы крестьян основной формой эксплоатации был государственный налог — *салгыт*, в данном случае совпадавший с земельной рентой, то крестьяне зависимые (*ярымчи* — половники и *карандл* — издольщики) были обязаны отдавать владельцам земли обусловлен-

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 22 апреля 1947 г. (отчет о защите см.: «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 158).

ную договором долю урожая — половину, треть, пятую часть и т. д. Эта форма эксплоатации (издольщина и испольщина) широко известна во всей Средней Азии. Существование ее в Хорезме зафиксировано еще в XIII в. Старики-колхозники сообщили нам еще один, неизвестный ранее термин для обозначения издольщины: *касым* (часть, доля). О том, что была такая форма социальных отношений, говорит один из документов Центрального исторического архива Узбекской ССР.

Согласно разъяснению ханской администрации (по архивным материалам), крестьяне, обрабатывавшие земли вакуфные, или *вахм*, как они назывались в Хиве, обязаны были выплачивать салгыт и отдавать обусловленную договором долю урожая, а также выполнять натуральные повинности. Аренда на вакуфные земли заключалась на 70 лет; взятые в аренду участки вакуфной земли арендатор имел право переуступить субарендатору.

Вторым условием, без которого невозможно земледелие в Средней Азии, является вода. Дело орошения как в части содержания в исправности всей оросительной сети, так и в области распределения воды, находилось в ведении центральной государственной власти; велся государственный учет водных ресурсов страны.

Государственный аппарат организовывал те колоссальные по затратам человеческого труда работы, которые требовались для ежегодной очистки каналов (*казу*) и ремонта дамб, плотин и мостов (*качу*).

Один из документов Хивинского областного музея помог выявить нормы, сопровождавшие выполнение ремонта оросительных каналов, строгую регламентацию работ казу и систему налогов, связанную с их проведением. Разбор этого документа привел к выяснению термина *хакоба*, остававшегося до сих пор непонятным; он означал право владельца земли разрешить провести новый оросительный канал (*яб*) по принадлежащей ему земле, взамен чего правительство давало ему известные льготы. Книги архива выявляют значение казу как одного из видов натуральной повинности, которую обязано было выполнять крестьянство и от которой феодалы были совершенно освобождены. Мы можем предполагать, что когда-то эти работы выполнялись родовыми объединениями или земельными общинами.

При сборе материалов по казу удалось услышать от стариков-хивинцев еще об одном виде натуральной повинности, называемом ими *бегар*. О бегарных работах упоминали Гиршфельд и Галкин,[2] но смешивали их с обхурными работами, т. е. с работами по орошению. Между тем бегарные работы выполнялись не только в Хивинском ханстве, но производились и в Бухаре и Коканде. Там этот вид повинности носил название *курган-мардекери*. Аналогичный вид натуральной повинности под тем же названием существовал в Иране до 1905 г. и в Афганистане до 1931 г. А. А. Молчанов в статье «К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои» приводит интересный документ султана Хусейна о предоставлении льгот по налогам и повинностям знаменитому среднеазиатскому поэту и мыслителю Нур эд-Дину абду Рахману Джами. В перечислении налогов и повинностей упоминается бегар как натуральная повинность; при этом А. А. Молчанов отмечает, что даровая общественная работа — бегар занимала одно из первых мест наряду со многими другими повинностями, лежавшими на крестьянстве Иранского государства XV в. Надо полагать, что тесное переплетение исторических судеб Хорез-

---

[2] Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, Ташкент, 1903, ч. 1 и 2.

ма с государством тимуридов дает основание считать указ султана Хусейна, относящийся к 874 г. хиджры, датой для определения давности бегара также и для Хорезма, учитывая свойственную Средней Азии устойчивость экономических форм.

Путем расспросов хивинцев удалось установить, что содержание бегарных работ и казу не совпадало. Это же подтвердили и выявленные в Центральном историческом архиве Узбекской ССР документы, относящиеся, правда, к более позднему времени, когда Хивинское ханство было колонией царской России. В официальной переписке хана хивинского Сейид Мухаммед Рахима (1864—1910 гг.) с начальниками Аму-Дарьинского отдела, полковником Галкиным и генерал-майором Глушенбергом, осуществлявшими от имени царского правительства контроль над действиями хана, бегар упоминался как трудовая повинность, выполнения или денежного возмещения которой ханское правительство требовало от поселившихся на территории ханства русских подданных. Хан, разъясняя положение дел, ссылается на существовавший в Хиве обычай ежегодно использовать бо́льшую часть крестьянства на оросительных работах и меньшую часть назначать на работы по «разным казенным сооружениям». Ответные письма начальников Аму-Дарьинского отдела свидетельствуют о том, что русская администрация не понимала содержания бегарных работ, смешивая их с ирригационными работами; между тем основным содержанием бегарных работ было строительство крепостных стен, ханских дворцов, крытых базаров, медрессе и т. д. и в меньшей мере сельскохозяйственные работы на полях феодалов и позднее — баев. О порядке выхода крестьян на бегарные работы, норме времени и организации последних подробно говорили старики-колхозники. Бегар в Хиве — это пережитки барщинного труда на государство. Бегарные работы выполнялись инвентарем самих крестьян.

Земельный налог — салгыт — определяется нами как земельная рента, взимавшаяся государством как верховным собственником земли.

Мы имеем два основных источника, сообщающих о замене ренты продуктами (*ушра*) денежной рентой (*салгыт*). Хивинские хроники и сообщение А. Куна [3] несколько расходятся в дате этой реформы. Повидимому, прав проф. П. П. Иванов, считающий, что реформа проведена была на грани двух царствований — Эльтезер-хана и Рахим-хана, т. е. в период с 1804 по 1806 г.

При выплате салгыта налогоплательщики в зависимости от размеров участка разбивались на три категории: адина — низшая, уплачивавшая по 1 тилли за 5 танапов земли; аусат — средняя категория, платившая 2 тилли за 10 танапов, и ала — высшая категория, 3 тилли за 15 танапов и выше. Однако превращение ренты продуктами в денежную ренту не означало еще изменения способа производства, хотя это и создавало предпосылки к его разложению.

Книги учета салгыта являются списками налогоплательщиков ханства и освещают вопрос об организации сбора салгута, указывают на роль как низовой администрации, так и высших чиновников ханства, ведающих сбором налогов. Материалы архива позволяют опровергнуть существовавшую в литературе точку зрения о том, что в Хиве не было казенных недоимок, и вскрывают значение салгыта в обезземелении и обнищании крестьянства. *Даяк* — налог, собиравшийся натурой на нужды религи-

---

[3] А. Кун. Заметки о податях в Хивинском ханстве. — «Туркестанские ведомости», 1873, № 73.

озных учреждений с земель всех категорий и составлявший десятую долю урожая, усугублял бедственное положение крестьян.

Выводы таковы: крестьянство своим трудом содержало господствующий класс —класс феодалов, светских и духовных, и в том числе чиновников государственного аппарата и ханское войско. Обязанное выплачивать денежную ренту и ренту продуктами, крестьянство с большим напряжением вело свое хозяйство, а значительная часть крестьян разорялась.

Те отношения, которые господствовали в Хивинском ханстве в изучаемый нами период, когда обрабатывавшие землю крестьяне отдавали почти полностью прибавочный продукт, а порой и часть необходимого продукта, приводили к тому, что крестьянство не имело сил и средств для ведения хозяйства, в результате чего уровень его все время значительно снижался. Этим можно объяснить то рутинное, застойное состояние, которое характерно было для Хивинского ханства XIX в.

А. С. МОРОЗОВА

К ВОПРОСУ О РАБСТВЕ У ТУРКМЕН В XIX в.[1]

Рабство у многих народов Средней Азии—узбеков, казахов, туркмен— в пережиточных формах сохранилось вплоть до завоевания этих районов царским правительством. Основным источником рабства у туркмен являлись вооруженные набеги — *аламаны*, систематически совершавшиеся на соседние территории, особенно на Иран. При этих набегах брали пленников — мужчин, женщин и детей, которых затем обращали в рабов; кроме того, при аламанах забирали скот, хлеб, оружие и пр. Вся добыча делилась между всеми участниками набега с предварительным выделением пятой части для хана, десятой части (десятины) для духовенства и некоторой части для бедных, сирот и вдов. Согласно архивным, устным и литературным данным, основная масса рабов являлась иноплеменниками, значительная часть их шла на продажу в Хивинское и Бухарское ханства.

У туркмен существовала следующая терминология: словом *кул* обозначался раб; *кырнак* — рабыня, наложница; *ярым*, *ярымчи* — нечистокровный, смешанный, полукровка; *азат*, *азатлы* — освобожденный, выкупившийся. Все эти термины противопоставлялись термину *иг* — чистокровный, свободный туркмен.

На основании источников можно сказать, что число рабов у туркмен было значительно. Почти каждая семья имела одного раба или рабыню, а зажиточные — нескольких. Если принять туркменскую семью в среднем за 7 человек, то соотношение между свободным населением и рабами будет 7 : 1. Здесь нужно иметь в виду следующие две особенности: во-первых, бóльшая часть рабов были женщины — кырнак, которые, как правило, становились наложницами или законными женами (*никахли-хилей*) своих хозяев-туркмен. Мой осведомитель Ходжам кули Аман Назар, из Геок-Тепинского района, сообщает по этому поводу следующее: «Кырнак для того и брали, чтобы от них иметь детей». Сеид Назарова Дурды из того же района подтверждает это, говоря, что оставляемые у туркмен рабы в основном были женщины. Более того, бедные туркмены, не имевшие возможности заплатить калым за невесту, специально в набегах брали себе жен. Во многих случаях в таких семьях рабов-мужчин и не было. Во-вторых, основными рабовладельцами была патриархально-феодальная верхушка туркменского общества — ханы, старшины, военачальники. Чтобы держать раба, надо иметь определенные условия для применения рабской рабочей силы: известный минимум земли, инвентаря, тягловой силы — в земледелии и определенное количество скота — в

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 24 июня 1947 г. (отчет о защите см.: «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 217—218).

кочевом хозяйстве; кроме того, должны быть излишки для поддержания существования раба — пища, одежда.

Труд рабов применялся в домашнем хозяйстве: они были слугами и на их обязанности лежала вся домашняя работа — приготовление пищи, выпечка хлеба, сбор колючек и дров для топлива, уборка и т. п. Рабы были заняты и в сельском хозяйстве — обрабатывали почву, собирали удобрения, производили полив, посев, сбор урожая, ремонтировали и очищали ирригационную систему, пасли скот, стригли овец и верблюдов. В обязанности рабыни входило выполнение всей домашней работы, а также обработка сельскохозяйственных продуктов; рабыня готовила пищу, молола на ручных мельницах зерно, обдирала рис, доила скот, изготовляла молочные продукты, пряла и ткала.

Несмотря на значительное количество рабов у туркмен и известную роль, которую играло рабство в домашнем и сельском хозяйстве, оно не было ведущим способом производства. Оно носило домашний, патриархальный характер и не было средством для получения прибавочной стоимости. Многие иноплеменники в результате войн и набегов как военная добыча включались в качестве рабов в массу свободных, в отдельные семьи, а затем и органически сливались с членами последних, становясь женами или наложницами хозяев или усыновляясь последними, адоптируясь родом, племенем и входя, таким образом, в общее число свободных. Труд несвободных употреблялся преимущественно на добывание средств существования для всей семьи, в том числе для самих рабов.

Классическое определение домашнего, патриархального рабства дано основоположниками марксистской науки — Марксом и Энгельсом: «В античном мире,— писал Маркс, — влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство; иногда же, в зависимости от исходного пункта, оно приводит только к превращению *патриархальной системы рабства, рассчитанной на производство непосредственных средств существования, в рабовладельческую систему, целью которой является производство прибавочной стоимости*»[2] (курсив наш.— *А. М.*).

«Иное дело,— указывал Энгельс,— домашнее рабство на Востоке; здесь оно не образует прямым способом основы производства, а является косвенным образом составной частью семьи, переходя в нее незаметным образом (рабыни гарема)».[3]

Низкая техника в земледелии, экстенсивность скотоводческого хозяйства, одновременное сосуществование частной феодальной и общинной собственности на землю и скот, сохранение в большой степени родовых общественных организаций придавали туркменскому обществу еще в XIX в. тот патриархально-феодальный характер, который обусловливал существование в нем патриархального рабства, не выходившего, в основном, из рамок домашнего рабства.

Положение рабыни у туркмен было иным, чем положение раба. Судьба рабыни была тесно связана с судьбой семьи, так как рабыня, становясь фактически женой хозяина, имея от него детей, прочно входила в семью как ее член. Дети кырнак от хозяина — *ярым-туркмен*, как правило, уравнивались с детьми от жен-туркменок и узаконивались в правах на наследство отца; ярым-туркмен, даже и не усыновленные, имели право наследовать после смерти отца наравне с законными детьми и становились лично

---

[2] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 1, стр. 256.

[3] Ф. Энгельс. Диалектика природы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 450—451.

свободными, но не всегда имели право вступать в брак со свободными. При официальном усыновлении такой ярым-туркмен рассматривался как чистокровный туркмен (*иг*).

Часто кырнак становилась законной женой своего хозяина и приобретала тогда все права свободных туркменок, законных жен (никахлихилей). Бездетная рабыня после смерти хозяина продавалась или переходила по наследству. Рабыня, имевшая детей (*умм-э-велед*), после смерти хозяина получала свободу и имела право выйти замуж как вдова-туркменка.

У туркмен часто встречается усыновление кула — адоптация, прием в род, дача родового имени. Усыновленный (*кияметлык-оглы* — сын навеки) приравнивался к чистокровному туркмену и приобретал все права последнего.

Из рабского состояния можно было выйти двумя путями — выкупиться за сумму, назначенную хозяином, или сам хозяин мог освободить своего кула без выкупа за долголетнюю работу. Освобожденный (*азат*) в том и в другом случае получал вольную и имел право уйти на родину или остаться жить среди туркмен. Если азат оставался, туркмены наделяли его землей и водой из общинных фондов или из личных наделов, иногда даже снабжали мелким скотом, кибиткой и помогали жениться. В последнем случае освобожденный чаще всего продолжал жить у своего хозяина, но уже не как раб, а как клиент, экономически зависимый. Здесь складывались иные формы отношений.

Аналогичные формы рабства мы можем проследить в XIX в. и у других народов Средней Азии, например, у казахов-кочевников, стоявших примерно на той же ступени экономического и общественного развития.

Г. Г. СТРАТАНОВИЧ

ДУНГАНЕ КИРГИЗСКОЙ ССР[1]

В решении послевоенных задач немалую роль играет трудовой подъем народов СССР, дружной семьей осуществляющих грандиозную программу ликвидации последствий войны и развития народного хозяйства, выдвинутую новой сталинской пятилеткой. В этой связи значительный интерес представляет пример советских дунган, являющихся передовой частью дунганского народа, в массе своей расселенного за рубежами СССР.

В существующей литературе сравнительно многочисленные сведения о дунганах связаны с периодом восстания мусульман Северо-Западного Китая в 1861—1878 гг., в котором дунгане играли ведущую роль, и с уходом части повстанцев в пределы России после разгрома восстания. Исторические работы, включающие сведения о дунганах, касаются отдельных моментов истории дунган, не пытаясь проследить линии их развития. Антропологические характеристики отрывочны и описательны, историко-культурные сведения почти отсутствуют. Авторы работ о религиозных воззрениях дунган смешивают понятия «дунгане» и «мусульмане» Китая вообще. Этнографические работы (порой содержащие тщательно подобранные и точные наблюдения) касаются лишь отдельных вопросов, наиболее ярких моментов обрядности и быта дунган. Особенно бедны сведения о зарубежных дунганах.

Наиболее многочисленны изыскания в области этногенеза дунган. Попытки его решения шли по линии интерпретации филологических и фонетических соответствий этнониму «дунгане». Исходя из утверждения, что этноним «дунгане — турганы» (как их называют соседи-тюрки), являясь причастной формой глагола *турмок* (стоять, жить, оставаться), может быть осмыслен как «оставшиеся»,— в дунганах видели «оставшихся в Китае» потомков арабов — носителей ислама, персов-завоевателей, тюрок-ремесленников, уйгуров, переселенных в Северо-Западный Китай в целях борьбы с цянами (тибетцами), или же потомков осевших в Китае войск завоевателей: Александра Македонского, Чингисхана, Тимура и т. д. Иногда анализ этнонима «дунгане» подкрепляли китайской лексикой, исходя из того, что основной в наименовании мусульман Китая иероглиф имеет также смысл «обратиться», «вернуться». Были попытки выведения этнонима «дунгане» из фонетических соответствий топонимике (дуньхуанцы — жители г. Дунь-Хуан; тунганьсу, т. е. все из Ганьсу, и т. п.).

Советские дунгановеды, отбрасывая вопрос о том, кто такие дунгане — китаизированные тюрки или принявшие ислам китайцы, а также отвергая теории об «оставшихся» или «вернувшихся», склонны считать дунган

---

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 21 января 1947 г. (отчет о защите см.: Советская этнография, 1947, № 2, стр. 215).

населением, относительно аборигенным для мест их нынешнего обитания (провинции Шэньси, Ганьсу, Синьцзян в Северо-Западном Китае; Чуйская долина, район оз. Иссык-Куль, стык Ферганской и Таласской долин в СССР). Анализируя этноним «дунгане», проф. С. А. Врубель интерпретирует его как *ту + нгань*, т. е. люди земли = оседлые. Историк-дунганин Х. Ю. Юсуров считает дунган потомками тогонов — народа, обитавшего с танских времен в провинции Ганьсу.

Материалы экспедиционных этнографических сборов 1944, 1945 и 1946 гг., ознакомление с Центральным архивом Семиречья (Центральный гос. исторический архив Узбекской ССР в Ташкенте), сопоставления с археологическими данными (раскопки г. Баласагуна, произведенные А. Н. Бернштамом) позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о дунганах как потомках китаев (киданей, каракиданей). Так, полевые материалы о духовной культуре дунган (вопреки принятому в литературе мнению о них как о первомусульманах Китая) позволяют говорить о том, что ислам принят дунганами в XV—XVI вв. в форме вероучения Махтуми Аазама аль-Бухари — суннитской ветви ислама. В обрядности и фольклоре дунган проявляется сильная струя преисламизма: верования в духов гор, лесов, рек, в духов болезней, в оборотней и вампиров, в Албасты и т. п., а также следы почитания предков. Пережитки буддийских представлений проявляются в орнаментике дунган, широко использующей не осмысляемые уже элементы типа *бабо* (8 буддийских драгоценностей), *фо-шу* (плода в виде «руки Будды») и др.

В материальной культуре дунган, близкой к китайским или синкретичным сино-мусульманским образцам, проявляются элементы, ведущие к маньчжуро-тунгусским соответствиям. Так, в одежде, внешне китайски оформленной, но отличной по покрою (запа́х на левую сторону), орнаментике (бо́льшая флористичность орнамента) и по составу ее, мы находим: туфли *гаодир хэй* специфичного маньчжурского образца; ноговицы *току*, надеваемые поверх (а не вместо) женских штанов (что свойственно народам Амура); женский лиф *дудуза*, служащий для уплощения груди (обычай, ведущий к народам Ляодуна и не известный в собственно Китае), и т. д.

Жилище близко соответствует западнокитайскому типу жилого дома, с уплощенной крышей, слегка загнутой кверху, со скрытым обмазкой стен двурядным каркасом, обогреваемое лежанкой *кан*, или приближается к жилому дому востока Китая, также каркасному с двускатной же, но более крутой крышей; встречается и третий тип жилого дома, отличающийся наличием «террасы прохлады« (*лын-юань*) с фигурно формованными боковыми стенами. Крыша террасы, уплощенная, с несколько более загнутыми кверху нижними гранями, опирается на четыре столба-колонны, промежутки между которыми заполнены резным пятирядным ажурным фризом. Крыши этих домов в большинстве случаев крылись черепицей, изготовлявшейся специально дунганскими мастерами г. Суйдин (Илийский край). Тип черепицы отличен от китайской, близок к бохайским образцам и соответствует археологическим образцам из раскопок г. Баласагуна.

Стоит отметить, что дунганский кан примитивнее китайского и более соответствует баласагунским канам, а также канам народов Амура (напомним, что кан, по сведениям путешественника Юйвень Маочжао, автора Ляо-ши, заимствуется китайцами из маньчжуро-тунгусских образцов XIII в.).

Орнаментальные мотивы фриза террасы лежат в плане буддийской и китайской благожелательной символики, повторяя в основном элементы орнамента, принятые в настенном рисунке и в *хуа янза* — трафаретах,

применяемых при вышивании. Как известно, китайцы переносят рисунок трафарета на ткань, накалывая рисунок и подсыпая сквозь отверстия накола меловую или угольную пудру. Дунгане пользуются иным приемом. Здесь трафарет накладной (т. е. подклеиваемый к ткани), его обметывают гладью, придавая вышивке рельефность. Накладной, обшиваемый или обметываемый, трафарет, по указаниям сибиреведов (С. В. Иванов и др.), свойственен народам маньчжурского круга бассейна Амура.

Лингвистически дунгане дают мало возможностей судить о докитайском периоде. Язык современных дунган ведет прямо к шэньсийскому и ганьсуйскому диалектам китайского языка. Значительные лексические различия идут от включения в лексику дунган арабо-мусульманской культовой терминологии, а также международных социально-политических терминов (в основном через русский язык). Изменения в лексике в свою очередь влияют и на морфологию и синтаксис языка дунган. Таким образом, лишь единичный факт лежит в плане наших предположений. Так, словарь киданьских слов (состоящий из 51 слова), приводимый Хауорсом в серии очерков о народах, обитающих у северных границ Китая (вып. II), включает слово *ама̀* — мать, объясняемое автором из норм монгольского и тунгусского языков, тогда как оно и поныне сохранилось в этой же форме у дунган-ганьсуйцев.

Киданьские соответствия облегчили бы и филологические изыскания в области этнонимики. Так, в Вэйскую эпоху под годом 471 значится известие о разделении киданей на 8 аймаков, из которых один носит название *тулугань*, что из маньчжурских соответствий означает «быстринные», т. е. живущие у порожистой части реки. У современных гольдов, по сведениям Н. А. Липской, слово *дунган* значит «верховской», т. е. обитающий у верховьев реки.

Исторические свидетельства о державах киданей (Ляо) и каракиданей (Си-Ляо), представляя, с нашей точки зрения, ранние этапы истории дунган, позволяют сделать вывод об относительной аборигенности дунган в местах их нынешнего обитания (провинции Шэньси, Ганьсу, Илийский край, долина р. Чу). Захваченные волной монгольского нашествия, каракидане поглощаются ею, и позднейшие авторы считают их порой народом монгольским. Дальнейший исторический путь их почти не документирован. Известно лишь, что дунгане, слившиеся замкнутыми общинами среди мусульман Китая, были всегда резервом крестьянских восстаний (восстание Салар, восстание Ли Цзычена и т. д.). Новая история дунган начинается именно с такой мощной вспышки крестьянского движения, известной под именем восстания мусульман Северо-Западного Китая (о чем говорилось выше), являющегося по существу последней волной великой крестьянской войны в Китае — Тайпинского восстания. Дунгане были ведущей, цементирующей частью повстанцев. В ходе восстания ими были созданы независимое государственное образование — союз городов (с центром в Урумчи) и султанат в Илийском крае (с центром в г. Новая Кульджа) на паритетных с уйгурами (таранчами) началах.

Значительную роль дунгане играли и в войсках Уйгурского государства Якуб-бека. После разгрома восстания часть восставших ушла в пределы России. Несколько позже, по Петербургскому договору, переселились в Россию и дунгане Илийского края. Расселенные на неудобных, неорошаемых площадях, дунгане вынуждены были в значительной мере арендовать землю у киргизских манапов, батрачить в хозяйствах узбекских баев. В тех случаях, когда дунганская сельская община проводила оросительную сеть, финансирование работ производилось дунганскими богатеями, которым и доставался ключ к землепользованию — вода. Только

советская власть наделила дунганскую бедноту землей и открыла ей водные источники. На отведенной земле (Чуйская долина, долина Савай и т. п.) возникают новые поселки, устойчивые, растущие и крепнущие колхозы, передовые в Киргизии по ряду культур (рис, мак, хлопок).

Дунгане принимали активное участие в гражданской войне, в разгроме ряда белогвардейских мятежей, в борьбе с басмачеством. Боевые традиции и навыки боя в конном и пешем строю, передаваемые из поколения в поколение, в период Великой Отечественной войны сыграли большую положительную роль. Дунгане-колхозники, овладевая различными отраслями военного дела, занимали командные посты. Так, внук народного героя Быйянху — тов. Быйянху Эрли демобилизован после ранения в чине капитана. Многие дунгане, бойцы и офицеры, награждены орденами и медалями СССР. Тов. Ванахуну Мансуза посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Е. Р. БИНКЕВИЧ

К ИСТОРИИ ЧЕРКЕССКОГО ЖИЛИЩА[1]

Специальных исследований по истории черкесского и кабардинского жилища, несмотря на сравнительно большое количество литературных источников и архивных материалов об этих народах, почти нет.[2] Задача наша заключалась в исследовании планировки и архитектуры черкесского и кабардинского поселений, усадьбы и жилища в XVIII — начале XX вв. и в показе, на основе этих данных, хозяйства, семейно-общественного быта, пережитков древних верований, связанных с жилищем, и различных влияний, отразившихся на изученных объектах.

У черкесов и кабардинцев отсутствовали города и городская культура, что подтверждается терминологическими данными и объясняется общественно-экономическим укладом, пережитками родовых отношений, слабым развитием торговли, отсутствием фабричного производства. Типы поселений были разнообразны; каждый из них имел соответствующее название. Однако преобладающим типом являлись аулы, куодже. С конца XIX в. у кабардинцев и черкесов изменились социально-экономические отношения, что повлекло за собой изменение общественной структуры некоторых поселений, например княжеских. Название таких поселений утратило свое значение в языке; остались только два термина: *аул* и *куодже*, т. е. сельское поселение.

По характеру планировки и архитектуры поселения условно можно разделить на два типа: западный (у закубанских и черноморских черкесов) и восточный (у кабардинцев). Западные черкесы в основном селились разбросанно — усадьбами-хуторами; однако поселения черкесов в своей планировке и архитектуре варьировали: в высокогорных местностях селились отдельными домами, а в долинах поселения приближались к типу кабардинских. У кабардинцев планировка и архитектура села в XVIII в. представляла скученное круглое или четырехугольное поселение с одним общим внутренним двором для всего населения. Поселение укреплялось рвом, завалами и другими ограждениями. При таком устройстве некоторые хозяйственные постройки выносились за поселение. Позже, когда миновала необходимость в ограждении поселения, скученная планировка осталась характерным признаком кабардинских аулов. У черкесов и кабардинцев имелись и сезонные поселения — коши, кутаны, сохранившиеся до наших дней. Поселения в горах были с небольшим количеством

[1] Автореферат кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии 10 декабря 1946 г. (отчет о защите см.: «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 196).

[2] Отметим лишь статьи о черкесских постройках А. Миллера (1914), работу Н. И. Муравьева «Шапсугия, медико-санитарное исследование» (1929), А. Мухина «Санитарное состояние аулов Афипсип и Кошехабль» (1929) и неопубликованные исследования Е. М. Шиллинга (1922).

дворов и малолюдны; на плоскости, наоборот, более обширны и с большой численностью населения. Поселения более раннего времени, очевидно, были передвижные, о чем свидетельствует легкость оставления их по разным причинам.

В черкесских и кабардинских аулах отсутствовали оборонные башни. Поселения у тех и других укреплялись от нападения врагов; у черкесов в более раннее время существовали природные укрепления, а у кабардинцев — искусственные. Впоследствии они переняли сложные укрепления от русских. Планировки поселения в нашем понимании не было: каждый строился там, где и как хотел. В селах определенных площадей или каких-либо кварталов с общественными учреждениями не было: с принятием ислама центральным местом стала мечеть.

Планировка усадьбы зависела нередко от топографии местности; поэтому не всегда было возможно сохранить типичные формы. Расположение построек в усадьбе было строго традиционным. Типичные усадьбы адыгов и кабардинцев имели ряд особенностей в своей планировке: располагались они на трех дворах (главном, скотном и дворе для молотьбы), обнесенных одним общим забором. Дом для приема гостей (*хэчэш*) у черкесов строился на отдельном участке и тоже обносился забором. У кабардинцев хэчэш никогда не выносился за ограду усадьбы, а оставался или отдельно на дворе, или, большей частью, на мужской половине дома хозяина. Другой особенностью планировки кабардинской и черкесской усадьбы надо считать постановку жилого дома на главном дворе передним фасадом к центру двора и глухой стеной к улице. Главный дом никогда не примыкал непосредственно к забору усадьбы. Забор вокруг усадьбы имел только одни ворота — других проходов в нем не делалось. Устройство ворот у черноморских черкесов было несколько иное, чем у кубанских. Вместо калиток существовали перелазы, сохранившиеся в некоторых местах почти до наших дней.

Хозяйственные постройки и там и здесь строились по образцу жилых, но проще и грубее, и в них дольше, чем где-либо, сохранились архаические черты. Постройки для зерна — очень древние, легкие, рассчитаны на переноску с места на место и прекрасно сохраняют зерно от порчи и от грызунов. Зернохранилища кубанских черкесов несколько разнятся от зернохранилищ черкесов черноморских.

Все постройки по доминирующему в них значению плетня мы выделяем в группу «плетневых». Техника постройки примитивная: строили без топора, пилы и других инструментов, без металлических гвоздей. Строителями являлись сам хозяин и его семья. Деревянные части построек делали мужчины, глиняную обмазку, очаг и печь для хлеба — женщины.

В основе типичного строительства жилого дома XVIII — начала XX в. у кабардинцев и черкесов лежит общий принцип длинных домов. Вначале планировка дома состояла из одного помещения, ныне кухни, затем к ней пристраивали другое помещение — комнату. Кухня служила помещением для всей семьи, а комната — для гостей. Постепенно, с ростом потребностей в помещении, пристраивались комнаты по длине дома и обязательно с самостоятельным очагом и самостоятельной дверью в наружной стене. Дом всегда делился на две половины: мужскую и женскую; обе половины друг от друга отделялись глухой стеной; позднее стали проделывать небольшие двери из мужской половины в женскую. Пол, потолок, чердачное помещение, фундамент отсутствовали; старинные дома строились без окон, позже стали делать небольшие отверстия без стекол с деревянными заслонками или без них. Дверь из двух вращающихся на перекладине половинок делалась ниже среднего человеческого роста. Стойкой чертой

черкесского жилища был очаг с плетеным дымарем, занимающий у кубанских черкесов место у наружной боковой стены, а у черноморских черкесов—у внутренней перегородки, делящей жилище на две половины; у бесленеевцев был один очаг на три комнаты, примыкающий к лицевой наружной стене; для экономии места весь дымарь выступает наружу, а очаг помещается в полукруглом уступе стены. Над печью всегда ставится плетеный дымарь. Архитектура гостевой комнаты — хэчэш — имела такой же стиль, как и жилой дом хозяина; иногда к ней пристраивалась конюшня.

Домашняя утварь и посуда в раннее время были очень просты. Посуда деревянная, медная — больше у зажиточных. Кровати отсутствовали, их заменяли диваны; спали большей частью на полу, ели за маленькими, низкими, круглыми столиками (*анэ*). С выделением феодально-родовой знати домашняя утварь и посуда значительно дифференцировались, жилые дома стали обставляться лучшими предметами быта, свидетельствовавшими о зажиточности хозяина.

О старейшем типе жилого дома можно судить по сохранившимся еще в XIX в. как пережиток круглым хижинам с цилиндрическими плетеными стенами, обмазанными глиной, с конусообразной соломенной крышей, с колесом от арбы, поддерживающем жерди крыши, и пристенным очагом. В настоящее время эти жилища приспособлены под кухни или кладовые.

Черкесы и кабардинцы, живущие за пределами своей родины, главным образом в Турции, сохранили особенности своего бытового уклада, в том числе архитектуру и планировку жилища.

Круглые поселения у кабардинцев XVIII в. с одним общим внутренним двором для скота, отдельный и сложный в своей планировке скотный двор со множеством базов, закутов и других разделений для скота, круглые жилища в Кабарде свидетельствуют о том, что еще в XIX в. доминирующим хозяйством было скотоводческое и только с лишением больших пастбищных участков в конце XIX в. пришлось его сократить. Существование родовых кварталов в поселении, священных рощ, деревьев, пережиточно дошедших почти до нашего времени клятвенных братств между аулами, обычаи помощи при постройке дома, некоторые свадебные обряды, связанные с переездом молодой в дом мужа, терминология селений, обычай совместной жизни на одном дворе всех женатых и холостых сыновей и дочерей и нераздельное ведение хозяйства, т. е. обычай жизни у «одного котла» (очень древний у черкесов), свидетельствуют о том, что в раннее время черкесы жили родовыми организациями, родовыми поселениями, кровнородственными союзами (*тляху*). Вначале эти поселения были с небольшим количеством дворов и малолюдны. Впоследствии, в силу жизненных обстоятельств (споров и решений земельных вопросов, трудности защиты от нападения врага и других причин), тляху стали соединяться в бо́льшие поселки, не обязательно построенные на кровнородственных началах.

В силу тех же условий, селения одного ущелья или одной долины в большем или меньшем числе составляли новый союз *псухо* (долина), т. е. территориальное объединение. Псухо потеряло родовой характер, тем не менее оно не сразу вытеснило кровнородственные союзы тляху и они долгое время существовали одновременно. Псухо по величине были различны, каждое управлялось самостоятельно; несколько псухо объединялись в племенные союзы.

К XIX в. феодально-родовые отношения на разных ступенях являлись почти господствующими у адыгейцев и кабардинцев. Захватив власть в свои руки, феодально-родовая верхушка уничтожила самостоятельность

многих поселений, особенно тех, которые находились на их усадебных землях, и закрепила за собой. Таких зависимых поселений было немало у каждого князя или владетельного помещика. Селения эти назывались *пше-уна-хъблэ*, т. е. «селения князя». В них жили дворовые князя (*ог*), крепостные крестьяне *пшиIы* у черкесов и *лэгъунэI* у кабардинцев, вольные люди — *тфокотли*, вольноотпущенники *азаты*, занимавшиеся земледелием и скотоводством, и дворяне меньших разрядов, составлявшие свиту князя. Деревня, где жил сам князь или владетельный дворянин, называлась *уорк-куодже* в отличие от других деревень, в которых жили дворяне низших разрядов, причисленные к владению князя. Поселение дворянина (*тляхотляжа*) было устроено так же, как и поселение князя. В деревне тляхотляжа жили дворяне низших разрядов, причисленные к фамилии тляхотляжа. Каждый дворянин, так же как и князь или владетельный помещик, был полным хозяином в подвластных ему поселениях. Кроме того, в Кабарде существовало небольшое число селений вольноотпущенников.

Таким образом, в XVIII—XX вв. в Черкесии и Кабарде существовали до завоевания Кавказа русскими поселения: 1) родовые, управляемые старейшинами, 2) княжеские, зависимые от князей и помещиков, 3) селения дворян и 4) небольшое число аулов вольноотпущенников.

Размер земельного участка усадьбы первоначально зависел от физической возможности расчистки его от леса и камней. Впоследствии приобретение участка стало возможным и путем его покупки. О величине усадьбы и хозяйства князей и владетельных помещиков можно судить по натуральным и трудовым повинностям и податям, которые несли зависимые сословия. Для хранения продуктовых запасов необходимо было иметь большое количество хозяйственных помещений, а для досматривания за этими подуктами требовалось немалое количество слуг и рабов. Рабы помещались в жилищах, построенных на задворках усадьбы, с выходом в глухой переулок. Тип построек (в конструкции и в материале) как у помещиков и князей, так и у остального населения был один и тот же.

Феодально-родовые отношения оставили следы на хэчэш. Вся дверь хэчэш была покрыта родовыми знаками «тамга», свидетельствующими о посещении хозяина родовыми гостями, а значит и о родовитости самого хозяина и его гостеприимстве. Дверь считалась фамильной собственностью и при перестройке хэчэш переносилась в новое здание.

Семейный быт сказался и на планировке жилого дома. Длинные дома с рядом жилых комнат для семейных сыновей свидетельствуют о том, что черкесы и кабардинцы жили большими семьями. Постановка жилого дома внутри двора задним фасадом или боком к воротам и глухой стеной к наружной ограде усадьбы указывает на замкнутый семейный быт, усилившийся вместе с распространением ислама. Две половины дома, расположение хозяйственных помещений со стороны женской половины и конюшни — со стороны мужской указывают на разделение хозяйства на мужское и женское, на главенство мужа в семье и на подчиненное положение женщины; в то же время, благодаря удельному весу женщины в хозяйстве, она в доме оставалась полной хозяйкой. В княжеских и помещичьих семьях всю хозяйственную работу несли рабыни-унаутки, но распоряжалась хозяйством жена князя или старшая женщина в доме. Очаг, очажная цепь считались святынями семьи. Лечение больного, культ мертвых также связывали с жилищем, особенно с хэчэш. Поминки по покойнику устраивались в хэчэш, одежда и вещи умершего до истечения года находились там же в знак того, что во всякое время покойника готовы принять обратно.

С приходом русских на Кавказ планировка и архитектура поселений приняли вид русских станиц: на усадьбе стали строить дома по образцу русских жилищ. Утратила свое значение отдельная хэчэш, хотя в плане жилого дома она осталась. Изменилась и домашняя утварь. Русская мебель и русская фабричная посуда, русский самовар заняли в быту почетное место. Несмотря на такие заимствования, национальные черты в жилищах местами сохранились. К таковым надо отнести планировку жилища в стиле длинного дома с двумя половинами: мужской и женской (с очагом на женской половине), а также ряд других черт.

СОДЕРЖАНИЕ

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *Ц. М. Подгорненская* Технический редактор *Н. А. Колгурина*
Корректор *В. Б. Несвижский*

РИСО АН СССР № 3406. А-04099. Издат. № 1777. Тип. заказ № 2063. Подп. к печ. 7/VI 1949 г.
Формат бум. 70×108[1]/[16]. Печ. л. 5. Уч.-изд. л. 6,25 Тираж 1500.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

Цена 5 руб.

